

ПИСАТЕЛІЬ ІІ ВРЕМЯ

Станислав ГАГАРИН

ЖИДКИЙ ДЬЯВОЛ

· СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ·

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Станислав ГАГАРИН

ЖИДКИЙ ДЬЯВОЛ

**МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1987**

Рассказывая о разрушительной силе алкоголя, о том непоправимом вреде, который он наносит человеку, семье, обществу, писатель С. Гагарин ведет заинтересованный разговор о месте творческой интеллигенции в борьбе с пьянством и алкоголизмом. В книге показана и деятельность недавно созданного Общества борьбы за трезвость.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

БОНДАРЕВ Ю. В., БЕНЕНСОН А. Н., БЛИНОВ А. Д.,
ВИКУЛОВ С. В., ИВАНОВ А. С., КРАМИНОВ Д. Ф.,
ЛОПАТИНА Е. К., МЕДНИКОВ А. М., ПОВОЛЯЕВ В. Д.,
РОСЛЯКОВ В. П., СЕРГОВАНЦЕВ Н. М., ШАПОШНИ-
КОВА В. Д., ШУРТАКОВ С. И.

Станислав Семенович Гагарин

ЖИДКИЙ ДЬЯВОЛ

Редактор Т. П. Зыкова. Художник О. С. Теслер. Худо-
жественный редактор М. В. Таирова. Технический редак-
тор Г. П. Мартянова. Корректор Л. В. Конкина

ИБ № 7399

Сдано в набор 04.03.87. Подп. в печать 13.07.87. А02990.
Формат 70×108^{1/32}. Бум. типографская № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,2. Усл.
кр.-отт. 4,46. Уч.-изд. л. 4,37. Тираж 50 000 экз. Заказ
№ 53. Цена 15 к. Изд. инд. ХД—161.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия»
Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд
Сапунова, 13/15.

ПО «Чертановская типография» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома. 113545,
Москва, Варшавское шоссе, 129а.

Г 4702010200—107
М-105(03)87 КБ7—42—1987

© Издательство «Советская Россия», 1987 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С похмелья у него болела голова, приходили мрачные мысли и сжигающее душу чувство стыда от вновь проявленной слабости.

Когда Павлухин отходил и принимался за дело, он говорил друзьям, склоняющим его к новой выпивке:

— Стресс предлагаете снять? Не знаю большего стресса, чем состояние утром с похмелья.

Но проходили дни, недели, возникала ситуация-детонатор, и писатель Олег Павлухин срывался.

Пить он, что называется, умел. Сильный организм выдерживал пока приличные дозы спиртного, да и сознание у Павлухина до конца не отключалось. Человеком он был компанейским, щедрый по природе, в «поддатом» состоянии сорил деньгами, никому не позволял платить, пока у него самого оставался хоть рубль в кармане. Поэтому в дни загулов Павлухин обрастал выпивохами, как корпус корабля ракушками.

Так дожил он до сорока лет, имел жену и двоих детей. Биография у Павлухина была своеобразной. После мореходного училища работал штурманом в торговом флоте. Пока плавал, закончил юридический факультет университета заочно и приобщился к журналистике, ударился потом в науку, там дело не сладилось, не потому, что был дураком, а попросту повздорил с научным руководителем. Не защитив диссертации, сел за роман, книга получилась, напечатали, и пошел Павлухин плавать по литературному морю.

Будучи пьяным, бывший штурман, а ныне профессиональный литератор, Павлухин никогда не садился за письменный стол, считал, что в таком состоянии работать невозможно. Да и кощунственно прикасаться к бу-

маге, когда голова твоя наполнена сивушным дурманом. Более того, ему необходимы были день, два, а иногда и три, чтобы после очередной попойки заставить себя что-либо делать.

В одиночку Павлухин не пил, следовательно, организм его не нуждался в алкоголе. Не признавал и рюмочки перед обедом. Обычно выпивка связывалась с получением гонорара, встречей с другом или принятой в журнал или издательство рукописью.

Впрочем, повод всегда находился, а инициатива могла исходить как от самого Павлухина, так и от его многочисленных друзей.

Сам процесс потребления алкоголя был Павлухину неприятен. Пил он тяжело, словно глотал препротивнейшее лекарство. Главным для него была иллюзорная — увы — возможность общения, долгие разговоры о всякой всячине, диковинное превращение окружающих в хороших добрых людей, и сам Павлухин становился благодушным, читал стихи и пел песни.

Он настолько увлекался самим процессом застольного действия, что забывал выпить, и рюмка его оставалась наполненной до тех пор, пока кто-нибудь не напоминал ему о необходимости догнать остальных. Тогда Павлухин спохватывался, морщась, тянул гадкую жидкость и наскоро нашаривал вилкой закуску.

В дни загулов Павлухин почти не ел, но обладая хорошим здоровьем, серьезных последствий запоев не ощущал. Случайно он прочитал в учебнике фармакологии, что алкоголь занимает первое место по калорийности, и всегда шутливо ссылался на это, когда ему предлагали как следует закусить.

И вот теперь Павлухин сказал: «Хватит...»

Он и раньше пытался бросить пить, «завязать» начисто, на полумеры Павлухин не соглашался. Неделью, вторую, третью гордо ходил он мимо пивных, подбадривая себя различными доводами в защиту трезвости и

пропуская мимо ушей иронические замечания приятелей. Потом ему надоедали все зарок и «безалкогольный нимб» над собственной головой. Подвертывался случай, и, повторив в который раз, что благими намерениями вымощена дорога в ад, он поднимал первую рюмку...

Потом наступало состояние, когда ему не хотелось ни пить, ни видеть собутыльников, и Павлухин, каясь и кляня себя последними словами, приползал домой. Иногда на это время он считался в командировке, и тогда было легче: депрессированная алкоголем психика не отягощалась еще и объяснением с женой.

Отлеживаясь, он сочинял новые предлоги в защиту трезвой жизни, потом садился за стол и лихорадочно работал, стараясь вернуть потерянное время, пропитые деньги и собственное уважение к самому себе.

А в этот раз зарок не было. Не было и веских аргументов, но и пришло все не вдруг. Павлухин долго расспрашивал приятелей, чем можно заменить алкоголь, но все в один голос говорили, что замены будто бы не существует, разве наркотики, но это уж совсем страшно, хотя разве, ежели начистоту, алкоголь не наркотик? Самый что ни на есть... Только продают его без рецептов и в продовольственных магазинах, вместе с молоком и хлебом.

Потом пришло осознание: а не надо ничего, будь гордым, чертов ты царь природы, попросту поднимись над пьянством.

В первые недели Павлухин видел по ночам странные сны. Будто не удержался, запил, обстоятельства при этом всегда были разными, чувствовал, как алкоголь проникает в желудок, расходится по жилам, отравляет и съеживает мозг, и думал: ах, подонок, не выдержал. Не выдержал, слабак...

Значит, говорил себе Павлухин, просыпаясь, мысль бросить пить идет снизу, из подсознания, а может, и

сверху, из области сознательного туда проникло... Неважно откуда и почему пришло озарение. Главное, я бросил пить окончательно и бесповоротно.

Снова были насмешки, приятели подначивали Павлухина, сбивали на выпивку, но теперь это не задевало его и не трогало. Раньше ему приходилось пересиливать себя для того, чтобы во время временного затишья не принять в руки стакан. Павлухин подавлял где-то внутри возникшее желание выпить. Сейчас этого не было. Он дивился новому состоянию, но и это удивление тоже было спокойным и как-то само собой разумеющимся.

Так проходили дни. Павлухин много работал, читал, каждую неделю с семьей выезжал за город.

С друзьями он встречался по-прежнему, присутствовал при выпивке, ходил в рестораны, дважды участвовал в пикниках, устроенных в связи с выходом новых книг его друзей. Павлухин бывал всюду искренне весел, распевал песни, рассказывал анекдоты, на которые был мастак, и ничего при этом не пил.

Приятели бурчали: «Не затянул ли ты свой эксперимент, старик?», но постепенно привыкали. Павлухин чувствовал, как они втайне завидуют ему, и испытывал некую гордость от осознания того, что он вот не такой, как другие.

Видеть его изменившимся было жене Павлухина непривычно, и ярая противница посещения питейных заведений, она однажды вытащила его в ресторан.

Он заказал шампанское, выбрал отменный ужин, был необычайно обходителен и ласков с женой, чутко и бережно вел ее в танце, за столом подкладывал куски лучше, но вот к вину не притронулся.

Ночью жена проснулась. С тревогой смотрела она на спокойное лицо мужа, вспоминала, как тяжело дышал он, засыпая пьяным, как висели мешки под глазами, и тяжелый алкогольный смрад наполнял спаль-

ню... Она зажмурилась, снова открыла глаза, боясь увидеть то, что часто видела прежде, и тихо прошептала, глядя в потолок:

— Кто бы ты ни был, бог или дьявол, сделай так, чтоб это никогда не кончалось... Прошу тебя, сделай...

Через полгода вернулся из творческой командировки друг Павлухина художник Антонов. Он приехал на дальневосточном экспрессе с этюдами, заготовками к будущим картинам.

Когда разобрались с багажом и доставили его в мастерскую, Павлухин сказал:

— Пока ты наведешь здесь порядок, пройдет неделя. Бросай все как есть, и двинем ко мне. Дарья моя ждет, приготовила в твою честь ужин.

— Ну, порядка у меня здесь никогда не будет, — сказал Антонов. — А предложение принимаю, давно не поддавали с тобой, дружище...

Павлухин промолчал.

По дороге Антонов сказал:

— Завернем в гастроном?

— Не надо, все есть дома.

Действительно, теперь Павлухин завел в квартире некое подобие бара, и был готов налить рюмку-другую завернувшемуся приятелю. Раньше подобные попытки приводили к тому, что с очередным заскочившим к нему выпивохой Павлухин приканчивал залежавшиеся запасы. Впрочем, запасы эти долго не залеживались...

Когда уселись за стол, Павлухин разлил водку. Полфужера Антонову и плеснул в рюмку-«наперсток» жене. Себе он взял лимонада и быстро сказал: «За твой приезд», выпил.

Кажется, Антонов и не заметил этого, но под вторую рюмку пришлось все рассказать ему.

— Блажишь, брат, — сказал Антонов. — Как же это без выпивки? Я, например, когда сидел в рыбацьем поселке на берегу Охотского моря, так только и спасался

спиртом. Нахлынет зеленая тоска, нальешь стопку,хватишь под черемшу, и на душе легче. А ты... Чудак, право. Как можно отказаться от алкоголя?! В наше-то время... Нет, ты просто перепил, наверное, на днях.

— Понимаешь, — сказал Павлухин, — ведь я не просто бросил пить, а пришел к этому, вооруженный теорией.

— Гигант... Так что за теория у тебя?

— Видишь ли, много дней ломал я голову над вопросом: чем можно заменить алкоголь? Конечно, к этому шел и от проблемы: почему люди пьют.

— Ну, а это хоть выяснил, Спиноза?

— Более или менее. Очевидно, пьянство не биологическое, а социальное зло. Недобрая традиция отмечать любое событие вином, а главное — социальная распушенность — вот что... Попустительство, терпимость к выпивохам, атмосфера безнаказанности. Привычка подменять духовные ценности бутылкой плюс желание уйти в другой мир, где все легко и просто, где можно забыть тяготы реального существования, житейские хлопоты и невзгоды. Разумеется: все это слишком индивидуально, трудно такое обобщать. Ведь сколько пьющих, столько и причин...

— Значит, ты сам признаешь необходимость время от времени уходить в другие измерения? Может быть, алкоголь и есть та зеленая калитка, которую искал несчастный герой Уэллса... Понимаешь, алкоголь можно рассматривать как своеобразный допинг, подстегивающий уставший от житейского однообразия мозг...

— И я так считал, — ответил Павлухин. — Вот ты говоришь — допинг... А не кажется ли тебе, что унижительно для Homo sapiens'а отравлять мозг, чтобы создать искаженный и порой весьма отвратительный мир? На мой теперешний взгляд, это означает расписаться в собственном интеллектуальном бессилии. Да я силой воображения создам не только четвертое, но и пятое,

шестое, какие угодно измерения, и ты тоже это делаешь ежедневно.

— Но мы с тобой художники, — сказал Антонов. — А как быть обычным смертным? Тем, кто лишен от природы дара воображения...

— Во-первых, художники — и живописцы, и писатели, и актеры — пьют, к сожалению и стыду, так, что только держись, а во-вторых, любой нормальный человек обладает достаточным воображением...

— Все это неубедительно, старик. Лучше уж давай про теорию, может быть, в ней есть рациональное зерно.

— Однажды я подумал о том, что все наше существование запрограммировано эволюцией. Есть ли в этой программе алкоголь, никотин, наркотики? Нет, конечно. Понимаешь, тут какая-то явная недоработка. Развившийся мозг, достигший уровня мыслящей материи, вдруг подобно скорпиону жалит себя оружием, которое он сам же и изобрел. Просто космическое извращение какое-то... Не может быть, чтоб эволюция предусмотрела подобный выверт и запрограммировала его. Это противоречило бы элементарной логике. Значит, наши с тобой «поддачки» есть попросту непредвиденная неисправность, подлежащая устранению. Каким образом? Возвышением интеллекта до осознания этого. Ведь пить и курить нецелесообразно с биологической точки зрения. Значит, следует отказаться от того и другого. Это и есть теория биологической целесообразности. Другими словами, я считаю, что человек должен исходить в поступках из соображения: полезно это для него или вредно. Разумеется, речь идет о физической стороне деятельности индивидуума. Хотя, впрочем, от вопроса пьет или не пьет данный член общества зависят и значительные социальные моменты. Не буду приводить доказательств, они известны каждому из популярных брошюр и статей.

Ужасно то, что произошло смещение понятий: над пьяным добродушно подсмеиваются, пока выпивоха не совершит преступление, конечно. И дремучее невежество людей: ну кто из вас, тех же художников, знает, что алкоголь — страшный наркотик, но действующий иначе, нежели пресловутый героин? Чем, спрашиваешь, заменить алкоголь? А ничем... Создавая Человека разумного, Природа отнюдь не программировала, что венец творения будет пить «горькую».

— Ну, а гостю пока можно? — улыбаясь, спросила жена. — Выпейте, Антонов, ведь он еще не обратил вас в свою веру...

— Я и не ставлю такой задачи, — несколько раздраженно сказал Павлухин. — Нет, эта идея принадлежит мне, и только я один исповедую ее. Кстати, признаюсь... Ведь еще до меня эта теория была предельно кратко, так сказать, ультраконспективно, изложена в известных всем плакатах, висящих в любой поликлинике: «Пить и курить — здоровью вредить».

Выпив все-таки водку, Антонов не притронулся к закуске и задумчиво произнес:

— Ты не убедил меня, не собираюсь следовать за тобой, но вот мысль о том, чем заменить алкоголь, меня, признаться, заинтересовала. Очевидно, нужна какая-то сильная страсть. Любовь? А может быть, спорт, туризм, коллекционирование... Или пахать землю, ходить босиком по стране... Искусство? А скольких «потребляющих» мастеров мы знаем... И больших мастеров. Хотя пить они начинают, когда видят, как уходит или ушло вдохновение... А ты уверен, что не запьешь через месяц?

— Не знаю, — сказал Павлухин, — на этот раз я не давал зарока. Понимаешь, пришло озарение, только не вспышка, а ровный мягкий свет... Именно так определил бы свое нынешнее состояние. Я как бы успо-

коился и стал чище. Исторг из себя некую скверну.

— Да, — протянул Антонов, — дела... А ты не болен часом?

Павлухин рассмеялся.

— Никогда не чувствовал себя так в форме, как сейчас. По утрам стал купаться в озере. Замерзнет оно — буду нырять в прорубь.

— А тебе не скучно, вот так, без водки?

— Нет, — ответил Павлухин. — Даже наоборот. Мне стало интереснее жить на свете.

— Дела, — сказал Антонов, — заставил ты меня все-таки задуматься, парень... Но ведь как-то сразу страшновато... Не привык народ без «киру». Что же дать взамен трезвому человеку? Ведь такому угодить труднее. С трезвым работником и худому начальнику нелегко. Проблем-то сколько возникнет...

Постепенно Павлухин привык к тому, что незнакомые люди, с которыми он садился за стол, смотрели на него, как на голого, узнав вдруг, что Павлухин совсем-совсем не пьет.

Старые друзья смирились, даже жена, по-видимому, поверила в прочность павлухинской теории, успокоилась и помолодела.

Порою она спрашивала мужа:

— А ты ли это, Олежка? Может быть, тебя инопланетяне подменили, и со мной пришелец с Альфы Центавра теперь живет?

— Не с Альфы, — отвечал с улыбкой Павлухин. — Мы, трезвенники, из созвездия Орион прилетели, со звезды Бетельгейзе...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Сейчас я передам ему трубку, — сказала жена и поманила Павлухина, а когда тот подошел к столику

в прихожей, где стоял телефон, шепнула: — Твой герой звонит, комиссар бригады.

— Здравствуйте, Иван Харитонович, — поздоровался Павлухин с полковником в отставке Роговым, давнишним своим старшим другом. Иван Харитонович во многом помог писателю, когда тот работал над романом о боевых действиях Красной Армии на Волхове в сорок втором году.

— Новый добыл материал по нашей армии, — сообщил бывший комиссар бригады. — Ездил в Новгород, там следопыты с комбината «Азот» нашли в Мясном Бору полковой сейф... Интересуетесь, Олег Петрович?

— Об чем разговор! — воскликнул Павлухин. — Вы же знаете, что все связанное с именем вашей армии для меня свято... Как встретимся?

— Завтра в пять часов у меня лекция у архитекторов... Можем там, а если хотите, то и у вас в писательском доме. Пути-дороги туда не будет?

— Вы знаете, как раз у меня деловая встреча на восемнадцать, режиссер придет с «Мосфильма». Дочитывайте вашу лекцию у зодчих — и прямо в наш клуб, это ведь рядом...

В шестом часу вечера Олег Павлухин неторопливо покинул станцию метро «Баррикадная», привычно окинул взглядом открывшееся перед ним высотное здание, повернул налево и поднялся к Садовой Кудринской. Там он пересек Кольцо, прошел улицей Качалова, свернул направо в проходной дворик, чтобы выйти рядом с египетским посольством к писательскому дому.

Пришел он пораньше, предупредил дежурных у входа, что к нему пожелают гости, заглянул на антресоли, где в тесноте и обиде на скученность ютился аппарат Московской писательской организации, покалякал с обаятельной и умной женщиной, она опекала творческую секцию, в которой числился Павлухин, узнал, как

бурно отметили на днях Восьмое марта у них в клубе. Потом спустился вниз ждать режиссера, тот готовился снять на «Мосфильме» картину по его повести о рыбацком капитане.

Пока Олег Павлухин рассматривал картины художника-мариниста Владимира Мухачева, выставленные в вестибюле, отмечая незаурядное мастерство и знание предмета, режиссер что-то запаздывал, к нему один за другим подошли успевшие уже «причаститься» поэты. Один из них был завсегдатаем писательского клуба, ходил сюда будто на службу, с самого утра просиживал в углу кафе, расписанного афоризмами литературных мэтров, медленно, но верно накачиваясь пивом. Он скромно просил у знакомых литераторов рублевку на пиво, не чураясь, правда, и рюмочкой «белой», поднесенной щедрой рукой огонораренного коллеги.

Второй был пьяницей буйного склада. Появлялся в клубе еженедельно, когда ухитрялся сорвать где-либо в редакции какую-нито денежку, и тут же спускал ее в компании собутыльников, их в многочисленных питейных заведениях писательского дома хватало. На следующий день приползал сюда снова и клянчил деньги на опохмелку. Потом исчезал на пятидневку, чтоб затем вновь появиться при «деньгах» и потрясать своды литературного храма раскатами еще не пропитого до конца баса.

Деньги у Павлухина были. Теперь, когда он победил зеленого змия, и работал больше, и с гусарскими замашками покончил. Но стал, как это вроде бы ни парадоксально выглядит, щедрее. Раньше, в запое, Олег Павлухин бросал рубли налево и направо. Но это касалось только загула и сопутствующих ему факторов. Потом он экономил на спичках, отказывал себе в том и другом, чтобы поскорее затянуть дыру в семейном и личном бюджете, латал финансовые прорехи, сделанные жидким дьяволом, и унижал жену мелочными придирками

по поводу лишней копейки, истраченной ею на нужды дома.

Теперь это было в прошлом. И Павлухин просто диву давался, какой новый человек, широкий уже не только в пьяном раже, но и в повседневной жизни, вдруг проявляется в нем. И Олегу Петровичу нравился этот новый Павлухин...

Он выдал тихому поэту традиционную рублевку, а поникшему в похмельной депрессии коллеге целый трояк, и тут появился Эмиль Карапетян, веселый и остроумный парень, мечтавший в юности о мореходном училище, но волею судеб попавший в легендарный ВГИК.

— Привет врагу Ячменного Зерна! — сказал Карапетян, легонько хлопнув своего автора по плечу. Сам он выпивал умеренно, но порой подшучивал над категоричным отношением Павлухина к спиртному.

— Вношу поправку, — улыбнулся Олег Петрович, — к ячменю у меня самое доброе чувство. А вот к той мерзости, в которую сей злак превращают, я, действительно, ярый враг.

— Тогда сядем за столик, возьму себе коньячку, а тебе «Боржоми», и расскажу, кого наметил я на роль капитана.

Когда в кафе появился бывший комиссар бригады, а ныне преподаватель Университета имени Патриса Лумумбы, за столиками шумели изрядно, а Эмиль Карапетян дважды подходил к буфетной стойке: повторял... Непьющему Павлухину угощать себя режиссер не позволял, считал подобное моральным извращением.

Иван Харитонович прошел к их столику, неторопливо присел на стул, поздоровался, искоса глянув на недопитый коньяк в режиссерском стакане, устало вздохнул.

— Трудная была лекция? — сочувственно спросил Олег Петрович у старика.

— Мои лекции всегда трудные, — ответил Рогов.

— О минувшей войне читаете? — поинтересовался Карапетян, а Павлухин вдруг вспомнил, что сам-то он и не знает, о чем говорил ветеран в Доме архитекторов.

— Не о минувшей, — возразил Иван Харитонович, — к сожалению, о теперешней... Вот об этой.

Он окинул грустным взором столики, заставленные бутылками с пивом и стаканами с водкой, за ними сидели коллеги Павлухина и окололитературная братия, крупно пили, изредка обращаясь к жалкой закуске, спорили неизвестно о чем, кричали, не слушая друг друга и хватаясь порой за грудки.

Время перевалило за девятнадцать часов, в большом и малом залах начались официальные мероприятия культурно-просветительного толка, а здесь, в кафе, в нижнем буфете, в двух залах ресторана раскручивался ежевечерний гудеж.

Сизые клубы дыма никотинной завесой толкались над головами посетителей. Гул голосов затемнял восприятие окружающего, оглушенное алкоголем сознание свертывалось в бездуховный кокон.

И Павлухин в который раз подумал о том, что он мог часами просиживать бесцельно в этом угарном бедламе...

— Вот уже скоро двадцать лет нахожусь на передовой линии нового фронта, — сказал Иван Харитонович. — Читаю лекции об утверждении закона трезвости, выступаю в молодежных общежитиях, борюсь по мере сил и возможностей с зеленым змием...

— Получается? — спросил Эмиль Карапетян и незаметным движением отодвинул стакан с остатками коньяка в сторону. Режиссер был на редкость совестливым человеком.

— Похвастать пока нечем, — покачал головой Рогов. — Враг теснит нас по всему фронту. Ведь эта война особого рода. Алкогольная наркомания достигла в

стране такого размаха, что необходимо самое активное вмешательство партии и государства.

— Слыхал, что-то намечается в этом роде, — заметил Павлухин. — А для себя «сухой закон» я давно уже объявил.

— Вот именно — только «для себя», — укоризненно посмотрев на писателя, сказал бывший комиссар бригады. — Мало этого, Олег Петрович. Мы, ветераны, глубоко уважаем вас за литературную деятельность, за ту помощь, которую оказали в возвеличивании доброго имени нашей армии. А когда узнали, как справились с зеленым змием, поняли, какой вы сильный человек. Только этого мало...

— Что же я должен делать? — спросил Павлухин.

— Дратся! — жестко произнес полковник Рогов. — Вам ли не знать завет Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...» У вас в руках такое оружие! Слово... Почему же вы, писатель, не сделали собственный опыт трезвой жизни достоянием сотен тысяч людей? Почему не призвали вот этих «сапиенсов» к борьбе с жидким дьяволом? Есть на вашем счету хоть один человек, ставший на стезю трезвой жизни?

— Нету, — с виноватой улыбкой ответил Павлухин и развел руками. — Вот домашние у меня не употребляют...

— А бар для гостей держите?

— Держу, Иван Харитонович. Принято ведь... Сам не пьешь, а другу налей.

— Так какой же вы друг, если собственными руками травите близкого вам человека?! — в искреннем гневе вскричал Иван Харитонович.

Трезвый Павлухин даже посмотрел по сторонам: не всколыхнул ли кого голос Рогова. Куда там! Вокруг все говорили разом, не слушая никого, кажется, и самих себя тоже...

— Пойдемте отсюда, — сказал писатель. — Посидим в фойе. Там воздух чище. И тихо...

— А я кофе возьму, — предложил Карапетян.

Он принес кофе и минеральную воду в просторный вестибюль, где висели «марины» Мухачева, там было ясно, светло.

— А где же твой коньяк? — улыбнулся Павлухин.

— О чем ты говоришь?! Тут два Георгия Победоносца собрались, а я буду при них зеленого змия кормить... Нехорошо!

— Георгий тут один, — вздохнул Павлухин. — Наш Иван Харитонович...

— К счастью, не я один, — сказал ветеран. — В трезвенническом движении есть сильные люди, — известные в стране борцы с жидким дьяволом. Это и академик, лауреат Ленинской премии Федор Григорьевич Углов, бывший летчик-испытатель Николай Васильевич Сушин, профессор-экономист Борис Иванович Искаков из Плехановского института, кандидат физико-математических наук Владимир Георгиевич Жданов и профессор Загорулько из Новосибирска, а московский журналист Александр Малышев, а организаторы клубов борьбы за трезвость в Таллине и Тарту, Первоуральске и Нижнем Тагиле, на заводе имени Лихачева и в Горьком... Обратите внимание, что это движение зародилось стихийно, как патриотическое стремление раскрыть людям правду о пагубном — физиологическом, нравственном и экономическом — воздействии алкоголя.

— Неужели все так страшно? — спросил режиссер.

— Еще как! Мне довелось схватиться с вооруженным до зубов противником утром 22 июня 1941 года и утвердить победу над ним 8 мая сорок пятого, на острове Рюген, в Балтийском море. Только вот нынешний враг опаснее Гитлера, который в известной директиве, по поводу судьбы завоеванной России приказывал ли-

шить нас медицинской помощи, а за физическую работу поощрять водкой и табаком, они, мол, без всяких боеприпасов сведут под корень русский и другие славянские народы.

— Сивушный геноцид, — заметил Павлухин.

— Именно! — воскликнул ветеран. — Ведь в чем коварство алкоголя, злобное, бескомпромиссное коварство? А в том, что зеленый змий не знает пощады ни для старого, ни для малого. Алкоголь выбивает самых лучших из нас повсеместно, не признает географии, возрастных категорий, более того, бьет и по тем, кто еще не родился. Многим нашествиям подвергалась Великая Русь за более чем тысячелетнюю историю. Ходили на нашу землю с целью поработить ее и ляхи, и половцы, печенеги, тевтоны, французы, гитлеровцы... Но самым, пожалуй, страшным бедствием стало алкогольное нашествие, пьяная беда, которая обрушилась на Отечество в последнее двадцатилетие. Это страшнее того геноцида, который устроили для Русского государства татаро-монголы семь с половиной веков тому назад. Тогда люди уходили в леса, прятались в глухомани, выжившие отстраивали города и деревни, зачинали новое потомство, оно вырастало сильным и здоровым, чтобы встать грудью на Куликовом поле и отстоять честь и независимость Руси Великой.

А сейчас под угрозой само существование русского народа. Нация в опасности!

Алкоголь нам, друзья, не оставляет никакой, подчеркиваю — никакой! — возможности на будущее возрождение. И если во время войны есть какая-то линия фронта, за нею тыл, где куется победа, в алкогольной эпидемии такой линии нет, нет и тыла. Пьянство в любых его разновидностях — страшное социальное и экономическое зло. Оно поражает многочисленные жертвы повсюду, от Бреста до Владивостока и от Архангельска до Одессы. Алкогольная наркомания со всей остротой

поставила перед всеми народами страны вопрос «кто кого», «быть или не быть» нашему будущему!

Наступило тягостное молчание.

— Слышал я, что стало больше умственно неполноценных детей в стране, или, попросту говоря, дебилов, — сказал мосфильмовский режиссер. — И даже видел как-то документальный фильм, однокашник по ВГИКу пригласил на просмотр. Чудовищные картины! Если бы всем показать... Но чиновники Госкино фильм положили на полку. Не надо, мол, пугать советского зрителя!

— Пусть ему спокойно пьется, да? — не выдержал Павлухин.

— Я дам вам лекцию академика Углова, Олег Петрович, — пообещал Рогов. — Федор Григорьевич выступал на Всесоюзной конференции по борьбе с алкоголизмом... Там он приводит страшные цифры.

— Но ведь надо бить тревогу! — ошеломленно произнес Эмиль Карапетян. — Про нашу Армению пишут, что там нет ни одного вытрезвителя, и радуются... А ведь пьют-то не меньше, чем в России. У меня нет статистики, но я часто бываю на родине и слышу: то там, то здесь родился на свет явный кретин. Что же делать, товарищ полковник?

— Прежде всего самим принять для себя закон трезвости, как сделал это ваш друг Павлухин, — ответил Иван Харитонович. — И бороться за души других. Ведь мы нарожали уже тьму умственных и физических уродов, это «наследие» двадцатилетнего безудержного пьянства будет висеть тяжким грузом на шее Отечества еще 50—60 лет, даже если мы сегодня бросим пить. Все до одного, поголовно!

— Считайте, что я уже бросил, — несколько смутившись, сказал режиссер и выпил из стакана «Боржоми». — Но ведь есть же самые непьющие страны?

— Были, — сказал ветеран. — Пример прочного существования закона трезвости в обществе лежит не за

морями. До недавнего прошлого самой непьющей страной в мире была наша с вами страна, дорогие товарищи... Вы, конечно, слыхали, что еще в 1914 году на территории России были введены строгие ограничительные меры по производству спиртного, по сути дела, был объявлен «сухой закон». И существовал он в течение первой мировой войны... Торговля алкогольными напитками была прекращена с 19 июля 1914 года на время мобилизации, а в конце августа продлена на все время войны. Когда началась Великая Октябрьская социалистическая революция, одним из первых декретов Петроградского военно-революционного комитета утверждался закон трезвости повсеместно. Антонов-Овсеенко вспоминал, что революционные моряки Балтфлота, которых вряд ли кто упрекнет в монашеском образе жизни, тем не менее, в критический для революции момент пренебрегли традиционными привычками и взяли на себя зарок — «Не пить!» Моряки добровольно поклялись карать смертью того, кто нарушит эту товарищескую клятву. И во всей Красной Армии существовал «сухой закон», или закон трезвости, назовем его так.

— Закон трезвости, — повторил Павлухин. — В этом словосочетании особая нравственная сила! Ведь и на белый-то свет мы родились по закону трезвости, это потом мы отступаем от него, и сегодня самое время опять вернуться под его строгую, но такую справедливую и естественную для Человека разумного сень.

— Возьмите в руки седьмой том Декретов Советской власти, — продолжал Иван Харитонович, — там вы найдете Декрет о запрещении производства спиртных напитков, крепость которых превышает полтора градуса. Этот строгий закон подписан Владимиром Ильичем Лениным 19 декабря 1919 года. Согласно декрету лица, виновные в его нарушении, карались лишением свободы на срок не менее пяти лет с привлечением к принудительному труду. А те, кто употреблял спиртные напитки,

на срок не менее одного года. Пять лет и один год! «И трезвый Октябрь победил!» — писал ученик ленинской партийной школы в Лонжюмо, член партии большевиков с 1903 года Семков. К 1925 году, когда «сухой закон» был отменен, как вынужденная и временная мера, потребление алкоголя в России сократилось почти до нуля — 0,2 литра в год на душу населения.

Традиции закона трезвости держались в нашей стране долго. В 1940 году потребление алкоголя на душу населения в год составляло один и девять десятых литра. И страшную Великую Отечественную войну выиграла трезвая нация! Самая непьющая страна в мире...

— Ну, а что же было потом? — спросил режиссер.

— Положение стало резко меняться уже в начале шестидесятых годов, когда были нарушены ленинские принципы историко-стратегического мышления. Уже в 1964 году по уровню алкогольной наркомании мы вышли на семь литров в год, с учетом нетоварного алкоголя, обогнали США и вошли в десятку наиболее алкоголизированных стран мира. А в период с 1964-го по 1982 годы нормы ленинской антиалкогольной политики были вовсе утрачены. И как результат уже в восьмой пятилетке мы выбежали на третье место, после Франции и Италии, на девятую пятилетку — на второе место после Франции, за десятую пятилетку должны были выйти на первое место. Но тут нас обогнала Польша, и вот интересный пример историко-социальной корреляции. Сначала Польша стала самой «пьяной» страной в мире, а потом там родилась «гданьская контрреволюция».

— Вот вам и закономерность, — заметил Павлухин.

— И еще какая! — подхватил Рогов. — А мы свою Октябрьскую совершили с трезвыми головами на плечах.

— Но рискуем пропить завоевания Октября, — мрачно добавил Эмиль Карапетян.

— Рисуем, — согласился комиссар. — Мне пишут

письма из разных концов страны. Одна женщина из портового города Калининграда сообщает, что муж ее к каждой субботе покупает две бутылки водки и за день их приканчивает в одиночку. Потом в воскресенье он отходит. И такое бывает каждую неделю, не считая праздников, когда доза увеличивается... Вдумаемся в смысл написанного... Ведь этот неизвестный нам по имени, но вполне реальный калининградец употребляет за год свыше пятидесяти литров водки! И ведь его никто пьяницей не считает. Он пьет дома, так сказать, «культурно». Вот это «культурное» пьянство сейчас для нашего общества самый злейший враг. Не устаю повторять эту прописную истину! Психология «культурного питья» создает иллюзию благополучия. Не валяются под забором наши строители светлого будущего — значит, гладь кругом и благодать... Но ведь известно, что спивается до подзаборного состояния только три—пять процентов от числа пьющих. Но все они жертвы тех, кто пьет умеренно, они на совести тех, кто употребляет по праздникам и субботам, при встречах с друзьями, на свадьбах, именинах, крестинах и юбилеях.

— Может быть, на пиво народу перейти? — неуверенно предложил Карапетян.

— Что вы! — воскликнул Рогов. — Врачи-наркологи установили, что по степени эффективности приобщения к алкоголизму, особенно среди подростков, пиво стоит на первом месте. Давно признан ошибочным и вредным тезис о вытеснении пьянства с помощью пива. Лозунги типа «Создадим для трудящегося люда бары и пивные», где рабочий, мол, человек сможет пообщаться с приятелем вместо соображения на троих, осужден жизнью и расчетами социологов. Пиво не вытесняет, а увеличивает пьянство. Между прочим, сигналы с мест свидетельствуют о том, что в ряде городов установили пивные автоматы, в которых любой подросток может за десять копеек получить стакан пива. Бесконтрольно! До сих

пор еще кое-где торговля упорно считает пиво безалкогольным напитком со всеми вытекающими последствиями. Это позорная и вредная практика! Пивные заводы надо закрывать, а базы превращать в чайные, где посетители сидели бы за самоварами и пили душистый чай с баранками и бубликами, вели разговоры за жизнь, как делали это наши предки в трактирах, которые существовали вовсе не для пьянства, а для удовлетворения клубного, так сказать, синдрома.

А ведь у нас есть опыт борьбы с пивом, как врагом номер один. Владимир Маяковский прямо указывал в резких по форме, но справедливых стихах:

И преступления
 всех систем,
И хрип хулигана,
 и пятна быта,
Сегодня измеришь
 только тем —
Сколько пива
 и водки выпито.

Как видите, Эмиль, пиво великий поэт поставил прежде водки, и сделал он это вовсе не для рифмы или размера стиха.

В 1928 году было опубликовано стихотворение Демьяна Бедного «Показательный пьяница». В нем поэт зло высмеивал идею и практику «показательных» пивных, разоблачал миф о «полезности» пива, выступал против пивного алкоголизма.

В феврале 1929 года в Москве был проведен анкетный опрос 13 тысяч горожан — посетителей столовых коопторга, об их отношении к продаже пива. Газета «Правда» сообщила, что 92 процента опрошенных высказались против такой продажи. Это ли не свидетельство нравственной чистоты наших отцов и дедов!

В результате два из трех московских пивных заводов были закрыты. Один стал готовиться к выпуску мармелада и пастилы, которой, кстати, не купишь сейчас в

столице, а второй без остановки перешел к розливу кваса — тоже нынче дефицит — и фруктовых вод.

Так что же сейчас мы не можем пойти тем же путем? Обязаны! Тем более что алкогольная ситуация в стране стала для нас стратегически угрожающей.

— И будут приняты какие-то меры? — спросил Павлухин.

— Будут, Олег Петрович! Непременно будут, — заверил комиссар Рогов. — Но вам лично надо уже сейчас брать в руки копье Георгия Победоносца. Время не ждет! Жидкий дьявол может стать неуязвимым... Надо торопиться!

Из дневника писателя

Прочитал доклад академика Ф. Г. Углова, который передал мне Иван Харитонович... Какие потрясающие факты приводит автор!

«На Всесоюзной конференции в Днепродзержинске, посвященной профилактике алкоголизма на промышленных предприятиях, в 1981 году в разосланных делегатам анкетах 52 процента высказались за «сухой закон». А по данным старого революционера, члена партии с 1917 года Я. К. Кокушкина, из 21 тысячи людей, присутствовавших на собраниях в городе Горьком, на которых обсуждалась проблема пьянства, свыше 15 тысяч, то есть две трети, проголосовали за утверждение закона трезвости».

Из лекции самого комиссара узнал, что в 1983 году на каждого моего соотечественника, включая грудных детей, пришлось шестьдесят бутылок водки. А по данным Всемирной организации здравоохранения в 1970 году в нашей стране было девять миллионов алкоголиков. Если экстраполировать эти цифры, то к началу 21 века их будет уже 80 миллионов, или шестьдесят процентов трудоспособного населения... Если так пойдет дело, то с

нами и воевать-то уже не придется. Надо spoить все взрослое население — и бери русских голыми руками.

Среднегодовое потребление абсолютного, стопроцентного алкоголя на каждого жителя нашей страны в возрасте от 15 лет и старше с учетом потребления самодельных спиртных напитков достигло в 1980 году 17—19 литров, а число алкоголиков — не менее 17 миллионов человек. К этому количеству надо добавить 20—25 миллионов предалкоголиков, которые могут стать алкоголиками не сегодня-завтра.

По совету Ивана Харитоновича принялся читать статьи Льва Николаевича Толстого, посвященные борьбе за утверждение закона трезвости в России. Таких работ у него полтора десятка! Кто из наших ведущих писателей числит в гражданском активе хоть одно обращение к народу с призывом отвернуться от соблазнов жидкого дьявола?! Разве что Петр Петрович Дудочкин из Калинина... Так на этого мужественного и стойкого старика уже нацепили ярлык «экстремиста».

...Вчера отдал в канцелярию такое письмо:

«Предлагаю создать писательский клуб борьбы за трезвость. Разумность этой идеи в доказательствах, я думаю, не нуждается. В случае положительного решения берусь принять активное участие в разработке Устава и организационных мероприятий»...

Сегодня встретил в писательском доме одного знакомого поэта.

— Ну и развеселил ты нас вчера, парень, — сказал он мне, — животики надорвали.

— О чем ты? — спросил я его.

— О твоём предложении толкую насчет алкогольного клуба...

— Антиалкогольного, — поправил я.

— Его самого... Потом решили: разыграл нас Павлухин по случаю первого апреля.

— Я вполне серьезно предлагаю создать такой клуб.

— А кто в него запишется? Это ты у нас белая ворона... Вот и будешь в этом клубе и председателем, и членом... В единственном числе. Один лишь телеграфный столб не пьет. Помнишь, что сказал Владимир Красное Солнышко? «Веселие на Руси есть пити...» Соблюдай закон предков, старик!

Хотел просветить поэта по части русской истории, да он тут же стреканул от меня решать глобальные вопросы нашего писательского бытия.

Что ж, напишу в партком.

Сегодня зашел к секретарю парткома узнать о судьбе моего письма.

— Нет у меня времени с тобой разговаривать, — ответил наш партийный вождь. — Масса важных вопросов накопилась, не до тебя...

Пожал плечами, повернулся и вышел.

Кому теперь писать?

Наконец-то лед тронулся... Опубликовано постановление ЦК КПСС, направленное на утверждение закона трезвости в стране.

Артем Лактионов рассказал мне, что вопрос Центральным Комитетом ставится по принципу — «Надо спасти нацию...»

А ответов на свои письма я так и не дождался...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В первые дни после постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» Олег Павлухин наивно полагал, что коллеги его, братья-писатели, окажутся в первых рядах за утверждение трезвого образа жизни.

Только оптимистические прогнозы на этот счет, увы, не оправдались.

«Видимо, руки до нас не дошли у партийного руководства, — думалось Павлухину, — а у самих художников слова духу недостает явить народу пример трезвым своим бытием... А ведь именно с творческой интеллигенции надо начинать духовную перестройку, нравственное обновление общества, которое долгие годы находилось в состоянии алкогольного потворства и попустительства. Ведь это же элементарно! Кому, если не мастерам культуры, призывать народ к трезвому образу жизни?! Но могут ли они хоть единое слово произнести супротив жидкого дьявола, если многие из них находятся в его власти? Разумеется, не могут... А силу воздействия на умы и сердца наших людей страстных и искренних выступлений знаменитых актеров, известных писателей, популярных режиссеров трудно переоценить. Только где они, эти выступления?»

Налицо было другое. Артист Караченцев прославляет в интервью «Собеседнику» развеселое застолье, режиссер Эльдар Рязанов читает перед миллионами телезрителей собственные стихи с безудержным гимном опорожненным бутылкам, популярные артисты играют в театрах страны Владимира Ильича, убежденного трезвенника, но сами на эти же позиции отнюдь не собираются становиться...

В клубах творческих союзов по-прежнему торгуют спиртным, что является прямым нарушением антиалкогольного законодательства. Ни в одном из московских театров, кроме театра эстрады, нет первичных ячеек Общества борьбы за трезвость. Впрочем, ее нет и в почти двухтысячной московской писательской организации, где, кстати, более пятисот коммунистов, которым долж-

но быть известно об обязанности каждой партийной организации бороться за утверждение трезвого образа жизни.

Это новая уставная норма...

Словом, положение с трезвостью в среде творческой интеллигенции столицы незавидное. А как с этой проблемой в иных местах?

И вот Павлухин отправился в Свердловск, где ему довелось жить долгие годы прежде.

Уже первый визит в областной совет Всесоюзного общества борьбы за трезвость заставил писателя подумать, что на Среднем Урале недооценивают значение общественной организации, нравственное значение которой трудно переоценить. Совет ютился в одном из кабинетов облсовпрофа, куда его пустили из милости, потеснив столы собственных сотрудников. Не решены были многие технические вопросы, без которых трудно что-либо сделать в условиях огромного промышленного региона: транспорт, связь, оргтехника, кадры... А беседа с заместителем председателя облсовета В. И. Андреевым показала, что тот и не задавался пока вопросом: как привлечь к борьбе за трезвость творческую интеллигенцию Свердловска и области. Ни в театрах, ни на киностудии, ни в редакциях газет, журналов, радио, телевидения, в творческих союзах не созданы первичные организации Общества.

— Почему? — спросил Павлухин энергичного молодого Андреева, искренне преданного идее трезвости человека, бывшего комсомольского вожака.

Владимир пожал плечами.

— Как-то и в голову не приходило, что надо начинать с артистов и писателей... Мы старались в первую очередь создавать ячейки Общества борьбы за трезвость на промышленных предприятиях.

— Разумеется, — соглашался Павлухин, — нам необходимо отлучить от пьянства рабочий класс и крестья-

янство, там оно приняло стратегически опасные размеры. Но разве не опасно, что отнюдь не меньшей приверженностью Бахусу отличается наша интеллигенция, мозг нации. И не только творческая, пьют, пусть и «умеренно», «культурно» инженеры и техники, врачи и учителя, научные работники и, так сказать, руководящее звено...

Впрочем, Андреева в какой-то степени извинял тот факт, что на неправильной позиции стояли некоторые работники Свердловского областного комитета КПСС. В беседе с Павлухиным инструктор отдела культуры в присутствии руководителей писательской организации и отделения Союза кинематографистов СССР безапелляционно заявил, что «пьянство среди творческих работников нас не тревожит. Главное, чтоб не пили у станка и в поле».

— Те, кто пьют умеренно и дома, нам не страшны,— продолжал Николай Васильевич Маликов, а Павлухину, изумленно слушавшему его, оставалось надеяться, что это только личная позиция ответственного партийного работника, а не генеральная линия обкома. — А по поводу писателей и художников мы так смотрим: неважно, пьет или не пьет сам творец. Важно, какая у него позиция в его духовной продукции...

К счастью, с этой «линией» Н. В. Маликова тут же не согласились известный режиссер, лауреат Государственной премии СССР Я. Лапшин и поэт Лев Сорокин, прославившийся страстной речью в защиту трезвости, которую он произнес на учредительной конференции борцов против жидкого дьявола.

— Не может художник проповедовать какие-либо идеалы, если он сам в них не верит,— горячо и убежденно заявил он. — И совершенно справедливо сказано: наши кинематографисты, которые должны идти во главе трезвеннического движения, даже в хвосте его не плетутся. Они вообще в нем не участвуют! Но на Свердлов-

ской киностудии организация Общества борьбы за трезвость у нас непременно будет... Обещаю...

— Честно признаюсь, — сказал Лев Леонидович Сорокин, он долгие годы возглавляет Свердловскую писательскую организацию, — как-то не заходил у нас еще разговор о создании ячейки Общества борьбы за трезвость.

— Но ведь про ваше выступление на учредительной конференции рассказывают легенды, — напомнил поэту Олег Павлухин.

— Да ведь я и прежде был убежденным трезвенником! — воскликнул Лев Сорокин. — Сколько пришлось вытерпеть от двусмысленного положения «белой вороны», в такое обличье рядили всех — увы — немногочисленных противников зеленого змия. Сейчас иное... Если прежде «соображали» на троих и более прямо в стенах писательского штаба, то сейчас литератор, который остался в непотребном ряду пьющих, пусть и «умеренно», даже при наличии сивушного духа не рискнет зайти в помещение писательской организации. А ячейку Общества борьбы за трезвость мы немедленно создадим! И при обязательном соблюдении принципа добровольности...

— А найдутся ли добровольцы? — спросил Павлухин поэта, памятуя о незавидном положении с антиалкогольной пропагандой в собственном писательском коллективе.

— Конечно! — воскликнул Лев Леонидович и принялся загибать пальцы на руках.

Он называл фамилии литераторов, и Павлухин соглашался с Сорокиным, ибо знал этих людей. Да, этот человек искренне и до конца будет бороться с жидким дьяволом в рядах Общества. И таких набралось не меньше половины из свердловских писателей...

— А с остальными будем работать, — уверенно заключил Лев Сорокин, и Олег Павлухин проникся чув-

ством гордости за то, что жил и трудился среди этих людей.

— А что если нам провести совместный симпозиум творческих союзов Среднего Урала с единой повесткой дня: «Мастера культуры в борьбе за утверждение закона трезвости»? — внес предложение Владимир Андреев.

Эта идея заместителя председателя областного совета Общества борьбы за трезвость нашла горячий отклик у руководителей кинематографистов и писателей, они тут же стали прикидывать, как повести разговор с мастерами культуры об их месте в общенародной битве против зеленого змия.

— Думаю, что художники и актеры нас поддержат, — сказал Ярополк Лапшин.

— Главное, чтоб поддержал обком партии, — улыбнулся Сорокин.

...Секретарь Железнодорожного райкома КПСС Григорий Михайлович Турецкий, который первым создал у себя в райкоме ячейку Общества, показал писателю акты обследований очередей у водочных магазинов.

Олега Павлухина поразил такой факт: половину очереди у магазина № 7 составляли студенты и преподаватели Уральского железнодорожного института. Это был угрожающий симптом...

К сожалению, слабину в организации антиалкогольной борьбы можно было обнаружить и по части попустительства, нарушения правил торговли, и по части организации досуга трудящихся, особенно молодежи.

Масса информации на этот счет скапливалась в редакции газеты «Вечерний Свердловск». Любимая горожанами «Вечерка» боролась, как выяснил Павлухин, со всенародным злом последовательно и активно.

— А сами-то вы как? — спросил он заместителя редактора Пирамидина, хотя знал Владимира Александр-

ровича как убежденного трезвенника лет пятнадцать.— В Общество вступили?

— Уже создаем первичную организацию... Всей этой работой занимается у нас Саша Левин, он ведет и специальную рубрику «Пятый угол».

У Александра Юрьевича Павлухин узнал, что он и его коллеги давно вынашивают идею объединенного пленума творческих работников.

— Надо собраться вместе, — сказал журналист Левин, — и дать друг другу зарок... Помните, как революционные матросы в Петрограде приняли клятву: «Смерть тому, кто не выполнит товарищеского зарока — не пить!» А мы в попустительстве пьянству дошли уже до такого состояния, что пора выдвинуть лозунг: «Социалистическое отечество в опасности!» Как можем призывать к идеалам, если сами еще в сетях алкоголя...

И тут, будто желая проиллюстрировать слова Левина, вошел старый приятель Павлухина, талантливый репортер Георгий Устинов, принялся рассказывать, как изгнанные с рабочих мест выпивохи прекрасно «кейфуют» в личных гаражах, где тебе и стол, и дом, а главное — отсутствие какого-либо контроля, полная безнаказанность.

— Вот еще один сигнал о безалкогольном ресторане «Малахит», — протянул Павлухину письмо Саша Левин.— Просто бубонная чума этот «Малахит», а не заведение культуры, как предполагалось...

Побывал Олег Павлухин в этом «Малахите»... Да, спиртные напитки здесь не продавали. Но часов с четырех-пяти дня окна глухо зашторивались, гремела оглушающая музыка, зал был набит подростками, которые отоваривались спиртным в соседнем гастрономе, почти через дорогу. Пили за столиками под видом сока, пряча бутылки в сумки, пили в туалетах, у швейцаров, в подсобках, в подъездах соседних домов. К 8—9 часам вечера между «Малахитом» и вытрезвителем наводился

автомобильный мост — везли перебравших несовершеннолетних забулдыг, напившихся в безалкогольном ресторане.

— А если проводить здесь вечера поэзии, встречи с артистами, кинематографистами, творческой молодежью? — спросил Павлухин у Андреева.

— Руки не доходят...

— Ну, а обком комсомола? Это же его святое дело... Владимир махнул рукой.

— Там считают, что борьба за трезвость не их дело... А с творческими союзами, как вы сами видели, контактов мы еще не наладили.

В редакции молодежной газеты «На смену!» Павлухина и Андреева встретили В. И. Теплых и заместитель его Рафаиль Исхаков. Владимир Иванович редакторствовал всего десятый день, только новую деятельность свою начал с создания первичной организации Общества борьбы за трезвость. Идеальный случай — сам руководитель газеты стал и председателем трезвой ячейки.

— Так у нас было и в городе Верхняя Пышма, — рассказывал Владимир Иванович, он был там еще недавно секретарем горкома партии. — Наш первый возглавил городскую организацию Общества борьбы за трезвость.

«Такой подход к этой стратегической проблеме нуждается в самой горячей поддержке», — подумал Павлухин.

Сейчас Теплых поставил перед журналистами задачу подготовки материалов, посвященных борьбе за утверждение закона трезвости, собирается печатать с продолжением главы из книги академика Ф. Г. Углова «Из плена иллюзий», выпущенной недавно издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

— Непрофессиональный подход к проблеме, — сказал редактор газеты «На смену!», — сказывается уже в том, что некоторые издания помещают письма трудящих-

ся, которые ставят вопрос о введении талонов на водку. Вот, например, наши старшие товарищи из «Уральского рабочего» опубликовали письмо Л. Малыгиной: «Лучше ввести талоны: выпил раз в месяц, и достаточно». Неоправданно пропагандируется сомнительный опыт кировчан, уже осужденный журналом «Коммунист», которые, будто бы по решению сельских сходов, так сказать, по инициативе «снизу», ввели эти злополучные талоны на водку, по сути дела, обязав каждого, кому исполнилось 21 год, приобретать спиртное.

Подобные глупости, вредные теории распространяются по невежеству, незнанию истории антиалкогольной борьбы в других странах, в частности, в Скандинавии. Там уже испробовали метод талонов еще в тридцатые годы и получили женский алкоголизм, расширение числа пьющих. Ведь это так понятно тем, кто хоть немного разбирается в человеческой психологии. Сам я не пью, думает человек, получивший талоны на водку, но мне положено выкупить эту норму... И трезвенник покупает бутылки. А раз они куплены, то рано или поздно будут выпиты.

— Нет, талоны на водку — недомыслие, граничащее с преступлением, — убежденно заключил В. И. Теплых, и они расстались, довольные тем, что так хорошо поняли друг друга.

Вечером Павлухин отправился с Андреевым в Свердловский академический драмтеатр.

Обязанности директора исполнял там в это время Станислав Федорович Сушков, профессиональный актер в прошлом, хорошо знающий такую непростую специфику театра.

Еще до встречи с ним писатель и Андреев обошли буфеты, послушали сетования их работников и администратора Ирины Георгиевны Вороновой на скудный ассортимент поставляемой рестораном «Восток» продук-

ции. Эти жалкие изделия, изготовленные бездушными «сапожниками» от кулинарии, отнюдь не способствуют тому, чтобы посещение театра было для свердловчан и гостей подлинным праздником.

— Тощее брюхо и к искусству глухо, — на ходу соорудила справедливый афоризм тетя Маша, ветеран театрального буфета.

— О чем вы говорите! — воскликнул Станислав Федорович, когда узнал, что гостей интересует глобальный вопрос: могут ли актеры прочно встать на эту, трезвую сторону баррикады. — Нашему брату-артисту только и быть в первых рядах борьбы за трезвость. Пьянство в нашей среде, которое до недавнего времени подавалось как неотъемлемая черта актерской профессии, вообще должно быть исключено, как несовместимое с духовными требованиями, они налагаются на каждого, кто носит высокое звание Артиста... Да и зачем нам, собственно говоря, алкоголь?! Ведь мы актеры! Люди, которые безо всякого допинга, подстегивания психики спиртным могут «завести» и себя, и окружающих, растормошить любую «сухую» компанию.

Были и в театре, уже после майского постановления ЦК КПСС, накладки с «потреблением». Сушков откровенно рассказал, как ко всеобщему стыду обнаружили они трио молодых актеров, распивающих за кулисами «фаустпатрон» с «бормотой». Шуму было на весь театр. Парней по молодости простили, в том смысле, что не изгнали из театра, хотя многие их коллеги ставили вопрос именно так сурово. Но и того, что им всыпали, достаточно было, чтобы воспитующе подействовать на виновников и на тех, кто мог в потенции оказаться на их месте.

— Мы уже совещались с секретарем парторганизации В. Ю. Писаревым, — сказал Сушков, — с главным режиссером А. И. Поповым. У нас есть ядро, состоящее из убежденных трезвенников. Вот на его основе и созда-

ем первичную организацию Общества борьбы за трезвость.

И тут гости узнали, что сам Станислав Федорович возглавляет в театре комиссию по борьбе с пьянством.

— Тогда вам сам бог велел стать во главе ячейки Общества, — улыбнулся Андреев.

— Ну что ж, — согласился Сушков, — если товарищи окажут мне доверие, почту за великую честь. Ведь я так понимаю: нет ничего благороднее и бескорыстнее на свете, чем бороться за утверждение закона трезвости.

И как бы хотелось закончить Павлухину визит на Урал оптимистической встречей в театре, уехать из Свердловска с убеждением, что здесь подавляющее большинство творческой интеллигенции, хотя и не все они в рядах трезвеннического движения, понимают серьезность проблемы и готовы сами начать жить по закону трезвости, чтобы иметь моральное право призывать на борьбу с жидким дьяволом других.

Однако не мог он уехать, не побывав в редакции старейшей в стране (выходит с 1907 года) и весьма авторитетной газеты «Уральский рабочий», в которой и самому доводилось сотрудничать, узнать, как же здесь поставлена антиалкогольная пропаганда, нет, не на страницах газеты, а в самом журналистском коллективе.

Беседовали с заместителем главного редактора Арнольдом Уряшевым и секретарем партбюро Юрием Коньшиным.

— А зачем нам первичная организация вашего Общества? — спросил Юрий Коньшин у Андреева.

— Это не мое Общество, оно Всесоюзное, — резонно отпасовал Владимир. — Ведь согласно Уставу КПСС ваша партийная организация обязана бороться за утверждение трезвого образа жизни, а вы, Юрий Андреевич, эту организацию возглавляете.

— Мы активно выступаем за трезвость на страницах печати, — возразил Уряшев. — Перелистайте подшивку...

— Листали... Материалы идут хорошие, хотя порой и непрофессионально написаны с точки зрения борьбы за трезвость. А кто у вас пишет на эту тему?

— Все пишут, — ответил Коньшин. — Кому поручим, тот и напишет...

— Даже если сам автор «употребляет»?

— Ну и что? Пусть и «умеренно» пьющие борются с пьянством...

— Но ведь это же безнравственно! — вскричал Павлухин. — Только убежденный трезвенник может призывать других покончить с этим злом... Поэтому в вашей редакции просто необходимо создать ячейку борцов с жидким дьяволом.

— Как же так?! — возмущается в свою очередь Арнольд Уряшев. — Значит, если я не член ВОИР, то не имею права писать о рационализаторах?

«Ну, если журналист такого ранга не понимает разницы между обществом изобретателей и сугубо нравственной организацией, то сие ему необходимо разъяснить где-то в ином месте, а не в его собственном кабинете», — грустно подумал Павлухин.

— Надо, чтоб побольше людей писало о вреде пьянства, — продолжал упорствовать заместитель редактора, а партийный вождь газеты согласно кивал, — а кто они, пьют или не пьют сами, не имеет значения...

— Еще как имеет! — сказал Павлухин. — Ведь и разговор этот весь затеян для того, чтобы напомнить такую очевидную истину: трезвость даже не образ жизни, трезвость — убеждение, качественно иное, если хотите, мышление.

— Опытные наркологи не обольщаются по поводу эффективности медицинских средств борьбы с алкоголизмом, — заметил Андреев. — Если по большому счету, то их усилия, стоящие государству, а значит, и нам с

вами, огромных денег, дают почти нулевой результат. Ведь недаром в научно-популярных фильмах извлекавшихся алкоголиков играют загримированные артисты... Это я к тому, что пьянство не столько болезнь, сколько искаженное мировоззрение. А мировоззрение нельзя лечить таблетками.

Из дневника писателя

...В активе российских писателей серьезные социальные победы. Начиная с острых, ставших классическими, очерков Валентина Овечкина, мои товарищи всегда боролись за преобразование Российского Нечерноземья, одни выступления Бориса Можаяева в защиту Мещерского края чего стоят! А сражения экологического характера?! Олег Волков, Сергей Залыгин, Борис Рябинин, Анатолий Онегов, Валентин Распутин... Сумели ведь писатели доказать, какой огромный, поистине стратегический вред несет в себе идея поворота северных рек на юг, где попросту забыли о том, что влагу надо экономить, и льют ее мимо полей. И сейчас этот абзац вычеркнут из Основных направлений нашего развития... А партия и правительство приняли соответствующее постановление.

Сколько мужественных и сильных писательских голосов соединилось в общем хоре тех, кто встал под знамена экологии природы. Так почему же всем нам сообщать не начать борьбу за экологию душ человеческих?!

А как благородна и бескомпромиссна борьба писателей, других деятелей культуры за сохранение памятников русской истории и отечественного искусства! Да, мы всячески оберегаем содеянное предками... Но если с такой же страстностью не бросимся в яростную драку за сохранение нравственной чистоты, за трезвые головы современников, после нас уже никаких памятников в на-

следство потомкам не останется. Да и самого потомства не будет...

В статье «Пора опомниться!» Лев Николаевич Толстой писал: «Если сцепились рука с рукой люди пьющие и наступают на других людей и хотят спойть весь мир, то пора и людям разумным понять, что и им надо схватиться рука с рукой и бороться со злом, чтобы и их детей не споили заблудшие люди.

Пора опомниться!».

Да, Иван Харитонович прав: алкогольная чума заразила страну. Так можем ли мы стоять в стороне от борьбы за отрезвление нации? Если не мы, то кто же?

Вот вам моя рука, коллеги... Двинемся плечом к плечу в атаку на жидкого дьявола.

Сегодня отметили день рождения Оли. Ей исполнилось двадцать лет. Были ее подруги по институту. А вот парни не пришли... Когда гости удалились, дочка подошла ко мне и сказала: «Ребята узнали, что у нас не будет спиртного... Вот и забастовали».

— Ты расстроена? — спросил Ольгу.

— Немного, папа... Правда, и без вина было весело, и без парней тоже... Я ведь не о том, что их не было. Мне за них обидно. Получается, что без сивухи они уже не мыслят ни о каком человеческом общении. Как безнадежно обворовали себя люди!

— Не стоит так мрачно, Оленька, — успокоил дочку. — Верю, что нравственное здоровье у народа нашего сохранилось... Вот сегодня, например, искренне веселились полтора десятка человек. А на столе были соки и минеральная вода, а потом чай из самовара, кофе. Получилось ведь веселье?

— Получилось, — улыбнулась Ольга. — Какой ты у меня толковый, папуля!

— А все потому, что трезвый...

С удовольствием записываю этот разговор в дневник. И еще вот такой кусочек сюда помещу, пригодится.

«Русское застолье...

Поскуднело оно изрядно за те годы, когда шли на Русь супостаты, объедали русский народ и по хлебушку, и по мясу, молоко наше лакали погаными ртами, оставляя хозяевам отруби да мякину. Часто выдавалась такая година да иные прорухи добавлялись, потому и на столах было пусто, и не получалось стоящего застолья, все больше зельем брали, а насчет яств так как-нибудь все, перебьемся, мол... И наверное, дальше такое быть уже не могло, потому что и веселиться светло и ясно, без дурмана в голове и мордобоя, по-русски веселиться, с песнями и хороводами, можно было разучиться навсегда. Но ведь не можно такому быть, нельзя дойти до этого, никак нельзя. Тогда ведь останется внукам в наследство лишь бессмысленное пьянство да чуждые нам визги и вопли из тех краев, где без штанов ходят... А зачем нам такое, люди добрые?! Или мы родства своего не помним? Или гостей потчевать разучились, широту души, что в поговорки других народов вошли, утратили? Умеет русский человек трудиться, от этого его никакими переменами пока не совсем отучили... Так пусть и не забывает он, как умели веселиться его прадеды, пусть стоит незыблемо русское застолье! Без вина оно куда щедрее пребудет...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Фирменный поезд «Урал» отходил из Свердловска утром. Олега Павлухина провожал его друг, поэт Анатолий Мордовцев.

— Жаль, что ты не успел побывать в Первоуральском клубе трезвости, — вздохнул Анатолий. — Дела у них разворачиваются грандиозные! Хотят весь город объявить трезвым. Вот думаю: а не написать ли о трезвенническом движении поэму...

— А что?!— поощрил поэта Павлухин.— Самая тема для стихов... Ты теперь убежденный трезвенник, Голя, совесть об этом писать позволяет. А благороднее и бескорыстнее дела, нежели борьба за победу закона трезвости, просто не придумать. Дерзай!

— Дерзну,— улыбнулся Мордовцев.— Полезай в вагон, а то останешься... Хоть и трезвенник.

До Первоуральска Олег Павлухин стоял у окна, смотрел на знакомые места свердловских пригородов — его Мария была родом из этих мест,— потом проводил глазами здание вокзала в городе трубников, подумав: жаль, не посетил здешний клуб борцов за трезвость, вздохнул — всюду не побываешь — и вошел в купе.

Вместе с ним ехал только один пассажир. Это был человек неопределенного возраста, ему можно было дать и сорок, и пятьдесят лет.

Он сидел, забившись в угол, и виновато улыбнулся, суетливо кивнул, когда Павлухин поздоровался с соседом.

Тут поспел и чай, который разносили в этом поезде в заварных чайниках, на их боках значилось золотом название фирмы — «Урал». Есть Олегу Петровичу не хотелось, но чай он всегда любил, налил чашку вкусного напитка, достал блокнот с записями нынешней командировки.

Помимо встреч в редакциях, театрах, творческих союзах ему довелось побывать в специальном медицинском учреждении, где содержались уроды, появившиеся на свет под воздействием алкоголя на генетический аппарат их безответственных родителей. Все это были вовсе не подзаборные пьяницы, не записные алкоголики, а вполне достойные, умеренно пьющие люди. Павлухин и прежде слышал про подобные клиники, но лучше один раз увидеть...

Сначала он посетил обычную больницу, 10-ю, что в

Кировском районе Свердловска. На момент его визита в отделении для новорожденных было 27 младенцев. Среди них шестнадцать таких детей, от которых родители отказались по причине их недоразвитости. Ну а если безо всякой ханжеской терминологии, то попросту из-за того, что дети эти родились уродами. Безнадежными уродами...

А в специальной клинике Олегу Павлухину явились чудовищные видения, достойные кисти Иеронима Босха! В одной из кроваток лежал крохотный мальчик с огромной, вдвое превышающей туловище головой. Это был гидроцефал, страдающий к тому же спинномозговой грыжей. Рядом находился олигофрен — мальчик, который родился без большей части головного мозга. Были там и сросшиеся спинами близнецы, безрукие и безногие от рождения младенцы, лишенные нижних челюстей, двухголовые и четырехрукие, шестипалые, но без ушных раковин и с рудиментарным отростком позвоночника, иначе говоря — с хвостом...

— Надо снять документальный фильм, — сказал Павлухин главному врачу, — показывать его в загсе молодым людям, которые пришли подавать заявление о желании вступить в брак.

— Предлагали, — сказал доктор. — Нам ответили, что показывать наших питомцев неэтично.

— А производить их на свет этично? — спросил Павлухин. — Ведь эти существа на совести тех, кто призывает к «культурному» питию!

Главный врач пожал плечами.

«Напишу об увиденном статью в «Советскую Россию», — подумал Олег Петрович. — Как приеду — так и предложу этот материал».

— А что же вы чай не пьете? — обратился он к соседу, заметив, что тот и не притронулся к чашке.

— Да-да, — засуетился пассажир, — я сейчас...

Он осторожно протянул дрожавшую руку к чашке,

поднял ее и, чуть было не уронив, опустил на край столика, прикрытого накрахмаленной салфеткой.

«Чего это он? — подумал Павлухин. — С тяжелой поддачи? Тремор рук на фоне абстинентного синдрома... Или, как выражаются, «интеллектуальные» алкаши — абстяги... Надеюсь, его не потянет опохмеляться».

— Нет-нет, — сказал вдруг сосед по купе, будто угадав мысли писателя, — это у меня от прошлой жизни. Время от времени руки подводят... Дрожат.

— Несчастный случай? — спросил Павлухин.

— Куда уж несчастнее, — усмехнулся попутчик. — Только не случай, а вся жизнь.

Видно было, как он напруг волю, чтобы успокоиться. Руки сосед положил на колени, теперь они больше не дрожали.

— Вот скажите... Сколько мне лет, по-вашему?

— Сорок, наверное, — явно польстил Олег Петрович.

— Вчера исполнилось тридцать три...

— Возраст Иисуса Христа, — шутливо проговорил Павлухин, пытаясь сгладить собственный неудачный ответ. — Когда мужчине исполняется тридцать три, его распинают. Или он становится плотником...

— Ну, положим, сам я себя распял еще раньше. А плотником собираюсь стать заново. Вернее, столяром-краснодеревщиком. Ведь таким был мастером...

Он вздохнул.

— Дмитрием меня зовут. А фамилия — Полещук. Родом из Краснодарского края, станица Усть-Лабинская...

Павлухин сообщил Дмитрию свое имя и отчество, о профессии говорить пока не стал — зачем смущать парня.

А Полещук поднялся, глянул на руки, не дрожали.

— Ну, вот и успокоились. Схожу я за чайком... Потом и расскажу вам про «несчастный случай». Авось, и пригодится.

...После службы во флоте приехал Дмитрий в славный город Ростов, который на Дону.

— Стал работать столяром на судоремонтном заводе, — рассказывал Полещук, — а жил в общежитии для плавсостава. Народ там подобрался боевой, а точнее сказать, буйный, склонный к выпивке, а после нее и к дебоширству. Пили, шумели, нарывались на скандалы. И казалось нам всем, а я тоже приобщился к питейной компании, что в этом выражается наше ухарство, бесшабашность, широта натуры. Какая уж тут широта...

Сколько веревочке не виться... Словом, набрался я как-то по случаю премии, нам ведь еще и премию платили за такую разгульную жизнь, и за столом повздорил с собутыльником. Друзей-то в застолье не бывает, одни дружки... А это я вам скажу, Олег Петрович, большая разница.

Слово за слово, он меня, значит, на три буквы, я — ответно... В общем, огрел я собутыльника бутылкой по голове. Его в больницу, меня, естественно, в милицию.

Дали срок. В колонии хорошо работал. Опять же там закон трезвости введен принудительным порядком, есть время и возможность поразмышлять.

Вышел с твердым убеждением — начну трезвую жизнь. А тут опять дружки-собутыльники. С выходом, кричат, Димуля! С нас тебе, отныне вольному, причитается... Ставим! И поставили... Всю мою продуманную в колонии проекцию жизни вверх тормашками.

Стал я снова «умеренно» пьющим, так нас, кто по учету алкогольному не проходит, называют... Рубль какой заработаю — в магазин. С работы выгонят — бутылки собираю, халтуру где-нибудь. И снова в питейную лавку... Иногда протрезвишься и думаешь: да кто же меня так проклял, что не могу остановиться, качусь вниз по наклонной плоскости?!

Но таких трезвых мыслей хватало до пивного ларь-

ка, благо он с семи утра у нас открывался. Хватишь кружку, вторую, потом соображаешь с такими же пропойцами, как поглубже забраться в горькую чашу.

Поверьте, допивался до того, что терял счет дням. Зима ли на дворе, лето, вечер, утро, праздник, будни — все было едино. Лишь бы снова пить, пить, пить...

Болтаюсь как-то на базаре, уже «поправился», но хочется добавить, а денег — пустой карман. Подходит ко мне парень, меня помоложе.

— Хочешь подкалымить? — спрашивает. — Отцу сарай поставить...

— Что положишь, хозяин? И насчет жратвы-выпивки...

— Об оплате сам отец скажет. Питаться будешь с нашей семьей за столом. К вечеру обязательно выпивка...

Так вот и попал я в кабалу к некоему Багаутдину. Расскажи кому — не поверит! Порой я и сам верю с трудом... Вроде бы на машине времени в прошлые века слетал. В нашей стране и в век космоса — рабство... Но так оно все и было, Олег Петрович!

Сам Багаутдин работал обходчиком, ну вроде как сторожем, в совхозе. Жена его, Ханум, тоже числилась в такой должности, хотя больше занималась личным хозяйством, вела дом. Две дочери вовсю царили на ниве коопторга в соседних селах. А два сына пребывали в ранге тунеядцев. Здоровые бугаи эти вообще нигде и никогда не работали... Папаша Багаутдин держал двенадцать голов крупного рогатого скота на откорме, выпасал триста овец, имел в хозяйстве три тяжелых мотоцикла «Урал» и автомобиль «Волгу», хранил в сарае полуподпольно и трактор ДТ-75, его собрали из списанных запчастей сельские умельцы за сивуху.

Себя мой хозяин гордо называл народным кормильцем. Часто подсмеивался: без таких, как я, вам Продовольственную программу не одолеть. Ведь это я и моя

семья стараемся, мы способствуем изобилию продуктов на базаре.

С подобной прорвой скота Багаутдину даже всей семьей было не справиться. Вот он и нанимал таких, как я... Бездомных, готовых на все за кусок хлеба и стакан водки.

Утром хозяин опохмелял меня, слегка, чтобы мог работать, и спозаранку начинал вкалывать на этого кровососа. Постройка сарая — это была только приманка. Работал как обычный батрак из тех времен, о которых мне в школе рассказывали и в книжках доводилось прежде читать. Привезти воды скотине, маток с ягнятами на пастбище отогнать, картошку из погреба достать, загоны вычистить, курятник новый построить, полевые работы, сенокос опять же... Вечером еле ноги волочил. А хозяин перед ужином нальет стакан самогона — экономил на спиртном, сам творил хмельное зелье, потом, когда закушу малость, еще стакан. В голове поплывет, доберешься до постели — и будто провалился.

А на заре — обычная круговерть.

Денег мне хозяин не платил никаких. Харч и сивуха... Помню, сдал он шерсть с овец — положил в карман двенадцать тысяч рублей. Мне — фигу с маслом.... Продав четыре десятка баранов, выручил четыре тыщи пятьсот — дулю я от него получил. Заикнулся было о какой-то своей части заработка, так мне Багаутдин милицией пригрозил. А второй такой же выпивоха, что у него ишачил, до четырех батраков сразу Багаутдин держал, мне разъяснил... Чуть что не так — заявляет Багаутдин в райотдел милиции, что у него приблудились бродяги. Он их, дескать, пожалел, а теперь тревожится: нет ли в том нарушения закона. Милиция Багаутдину приходит на помощь... Так что хочешь жрать и по вечерам получать два стакана сивухи — терпи...

Сам Багаутдин ни капли спиртного не принимал. «Мне, говорил он, вера не позволяет... А вам, русским,

на роду написано «керосинить». Как вспомню эти слова — в жар бросает. Это ж надо: до чего мы себя довели! Такую войну одолели, а об граненый стакан споткнулись... Кому это было надо?

Забрали в спецприемник, как не имеющего ни кола, ни двора, ни работы, ни прописки... Тут-то меня от обиды и злости на кулака Багаутдина осенило: «Да ведь сам-то я во всем виноват! На себя надо злиться... Именно подобные мне, существа без руля и ветрил, без чувства собственного достоинства, готовые на все за стакан водки, создают условия для благоденствия таких тигров, как мой хозяин. Нам, выпивохам, все, как говорится, до фени: кончил день в обалдении от сивухи — и ладно. И по вредности нашей для честной жизни мы с Багаутдином на одной доске стоим. Он наживается, как кулак, а мы прожигаем свою жизнь, хотя она ведь не только нам одним принадлежит.

Вот только откуда берутся у нас такие, как я? И это в стране, где любой, кто хочет, может иметь работу и крышу над головой! А хочешь учиться — ради бога... Тебе еще и платить за это станут. Нет, всему виной — пьянство. И главные виновники те, кто пьет вроде «умеренно». Кому-то эта «умеренность» и сходит с рук, а для кого оборачивается несчастным случаем, который длится всю жизнь и кончается белой горячкой».

И еще подумал, что самый настоящий я предатель русского народа. Ведь ни семьи не завел, детей не родил... Хотя бы одного, как в большинстве семей, и того нету. Так и выведем русский корень подчистую. И малодетностью, и таким вот проклятым бытием, на которое я обрек себя сам.

— И что же теперь? — спросил Павлухин, выждав паузу, после того как Дмитрий Полещук замолчал.

— Побродяжил я еще немного. В Свердловске попал в приемник-распределитель. Пригласил меня на беседу майор милиции Уваров, душевный такой мужчина. По-

говорили... Я и сам понимал, что запутался, но вот таких слов, как у Данилы Ивановича, подобрать бы не сумел. Только он, Уваров, майор милиции, и вылечил меня. Словом...

«Значит, есть еще в нем сила, в слове человеческом», — растроганно подумал Олег Петрович.

— Поверил я Даниле Ивановичу, — продолжал попутчик. — Поверил, что человек одним усилием воли может освободиться от рабской привязанности к сивухе. И про гибнущий в пьянстве русский род он мне говорил... Потом устроил грузчиком на овощную базу, общежитие там дали. Три месяца карантин выдерживал... Это я сам себе срок установил. Написал родной тетке, она у меня в Подмоскowie живет, в городе Одинцове, на мебельной фабрике трудится. Приезжай, говорит, живи. Работа будет... Вот и еду.

— А как с этим? — не удержался Павлухин. — Не тянет?

— Ни боже мой! — воскликнул Дмитрий. — Сначала удивлялся даже... Теперь привык. Вот только иногда, как давеча, руки... Подводят меня, бедные. Но я с врачом говорил... Еще немного — и дрожать навсегда перестанут. Главное — душа дрожать перестала...

«Как хорошо ты сказал, Дмитрий, — подумал Олег Петрович. — Перестала дрожать душа... Кончилось твоё рабство, парень».

Из дневника писателя

Давно, еще в те времена, когда, говоря высоким штилем, сам предавался возлияниям во славу Бахуса, стал тем не менее собирать публикации об алкоголизме и его причинах. Собирать-то собирал, а «мутиться» продолжал... Потому и копившиеся материалы лежали втуне, в эти папки и не заглядывал даже.

Теперь вот достал их, рассортировал по темам, ведь пьянство — глобальная проблема, состоящая из многочисленных разделов. И самый жуткий из них — «Алкоголизм и его влияние на потомство».

О характерном случае рассказывает кандидат медицинских наук Л. Боганович в журнале «Наука и жизнь». История в самой сути своей жуткая, готовый сюжет для целого романа, хотя изначально можно утверждать: художественное произведение на подобную тему не увидит света. А почему, собственно говоря, мы должны уподобиться страусам и прятать головы в трясины придуманного нами же самими иллюзорного благополучия?..

«В мой врачебный кабинет вошли отец, мать и трое детей в возрасте от шести до двенадцати лет. Семья эта постоянно живет на Севере. Родители хотели наконец выяснить причину своего несчастья. Дело в том, что старшая девочка была слабоумной и дальше второго класса учиться не смогла; средний мальчик страдал эпилептическими припадками, а младшая дочь родилась с расщепленной верхней губой, уродливо искривленной носовой перегородкой и шестью пальцами на правой руке.

Родители выглядели богатырями. Однако это было обманчивое впечатление. Несмотря на высокий рост и умеренную полноту, у отца был сизовато-лиловый цвет лица, особенно носа, и легкая, едва заметная одутловатость.

Выяснилось, что он часто пьянствовал до женитьбы, и только женившись, стал пить реже. Мать тоже считала полезным изредка выпить рюмку водки, а во время кормления детей постоянно пила пиво. Одна случайная знакомая уверяла ее, будто бы пиво способствует прибавлению молока...

Я выслала детей из кабинета и вынуждена была сказать родителям, что именно спиртные напитки так тя-

жело отразились на здоровье детей. Оба супруга удивились. Отец даже усмехнулся и заверил, что лично его здоровье никак не пострадало, потому что употребляет он обычно «малые дозы».

— Вот она, психология «умеренно» пьющего человека! — воскликнул Иван Харитонович, когда я показал ему эту статью. — Такая психология, старательно формируемая апологетами «культурного питья», является врагом номер один. Именно те, кто выпивает «культурно», в ответе за тех, кто валяется под забором. Именно они, бытовые пьяницы, а их свыше девяноста процентов всего взрослого населения страны, его мужской половины, повинны в рождении идиотов, уродов и дебилов, дают стране неполноценное потомство, стоящее на уровне развития питекантропов и неандертальцев, способствуют дальнейшему женскому и юношескому алкоголизму, увеличивают преступность, производственный травматизм, общий рост алкогольной наркомании в стране.

«Отец двоих детей написал жалобу на пятерых врачей, которые «не хотят, да, видно, и не умеют вылечить его сына и дочь». Рассказывая мне историю болезни своих детей, этот родитель утверждал, что дети родились крепышами, а школа своим режимом и педагоги их «испортили». Так, например, у сына с третьего класса стало обнаруживаться выраженное слабоумие, а у девочки прогрессивно ухудшалось зрение. Ругая врачей и педагогов, он «забыл» рассказать мне, что еще до рождения детей «безбожно пил» — об этом мне потом «по секрету» сообщила его жена — и только спустя ряд лет после рождения детей «перешел» на умеренные дозы».

...Создать бы научно-популярный фильм и показать в нем, как бьет алкоголь по тем системам организма, которые ведают будущим потомством, какой непоправимый вред наносит жидкий дьявол мужскому семени и женским яйцеклеткам. Ведь они сморщиваются под воз-

действием сивухи, порой неправильно соединяются, начинают развиваться уже будучи травмированными.

Что же вырастет из таких уже заведомо негодных семян?

...В Москве, например, доля геноослабленных детей, больных и предрасположенных к болезням, к 15-летнему возрасту составляет 5 процентов. Об этом сказал 19 сентября 1986 года на совещании работников народного и профессионально-технического образования первый секретарь МГК КПСС Б. Н. Ельцин.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Академика Ф. Г. Углова, профессора Б. И. Искакова и Павлухина пригласили в один из московских клубов трезвости.

Разговор начался с небольшого сообщения Федора Григорьевича Углова о пагубных последствиях алкоголя. Согласно научным данным, у нас в стране от спиртного погибает сотни тысяч человек. И темпы «пьяной» смертности растут... И не случайно Всемирная организация здравоохранения признала алкоголь протоплазматическим ядом-наркотиком первой степени.

— Протоплазматическим ядом алкоголь называют потому, что он поражает любую живую ткань в человеческом организме,— пояснил академик.— Наверное, в силу своей профессии я острее, чем другие, вижу и понимаю опасность алкоголя. Ведь я — хирург и всю жизнь борюсь за здоровье и жизнь соотечественников.

Сам никогда не употреблял спиртного, потому что люблю жизнь. Проблемы противоалкогольной пропаганды меня занимают давно, первую статью против пьянства я написал еще в 1956 году и с тех пор регулярно выступаю в печати. А недавно вышла в свет моя книга «Из плена иллюзий»...

— Отличная книга! — воскликнул Борис Иванович

Искаков, заведующий кафедрой статистики Института народного хозяйства имени Плеханова.— Издательство «Молодая гвардия» проявило прекрасную инициативу, выпустив ее второе издание... И думаю, что это правильно — нам не нужна усыпляющая информация, нам нужна информация мобилизующая. После тщательной проверки и перепроверки десятков тысяч статистических данных наша кафедра научно показала, что академик Углов полностью и совершенно прав. В отношении к алкоголю нет и не может быть компромиссов, ибо алкоголь — наркотик. Установлено, что даже семьи, в которых пьют очень мало и лишь по праздникам, расплачиваются за это тупостью детей, как рожденных, так и будущих. Каждая рюмка алкоголя, образно говоря, это выстрел в собственных детей. Дети рождаются дебилами или полудебилами... Почему? В сумрачном перечне причин первое место занимает алкогольная наркомания. Дебил — это носитель сильных и средних патологических мутаций, по потенциалу психофизического и интеллектуального развития он отброшен по шкале биоэволюции далеко назад. Полудебил — носитель относительно слабых патологических мутаций. Из-за ограниченной чувствительности методов медицинского контроля врачи фиксируют, как правило, только дебилов. Полудебилов выявляют не в первые месяцы их жизни, а на 10—12-м годах жизни, и не врачи, а школьные педагоги, когда обнаруживается, что внешне нормальные дети не усваивают школьную программу. Следовательно, полудебильные дети, как правило, вообще попадают не в медицинскую статистику, а в школьную.

— Вспомнил сейчас, что писал почти сто лет назад Лев Николаевич Толстой,— сказал Павлухин и поднес к глазам листок.— Вот послушайте: «Вино губит телесное здоровье людей, губит умственные способности, губит благосостояние семей и, что всего ужаснее, губит душу людей и их потомство, и, несмотря на это, с каж-

дым годом все больше и больше распространяется употребление спиртных напитков и происходящее от него пьянство.

Заразная болезнь захватывает все больше и больше людей: пьют уже женщины, девушки, дети. И взрослые не только не мешают этому отравлению, но, сами пьяные, поощряют их... Представляется, что веселым нельзя иначе быть, как пьяным или полупьяным; представляется, что при всяком важном случае жизни: похоронах, свадьбе, крестинах, разлуке, свидании, самое лучшее средство показать свое горе или радость состоит в том, чтобы одурманиться и, лишившись человеческого образа, уподобиться животному...»

Да, повторю, под влиянием алкоголя, который еще в 1975 году Всемирная организация здравоохранения официально признала сильнодействующим наркотиком, люди уподобляются животным. Впрочем, это еще лестное для Хомо сапиенса сравнение. Ни один дикий или домашний зверь не станет по доброй воле потреблять это поистине дьявольское зелье.

— Что же происходит в мире, населенном существами, единственными на планете обладателями мыслящей материи? — воскликнул председатель клуба трезвости.— Почему люди одурманиваются? Ведь как правильно подметил писатель Василий Белов в беседе, опубликованной в газете «Советская Россия», умные разговоры продолжаются первые полчаса после рюмки, затем диалог превращается в бесконечные «а ты меня уважаешь?»

— Вне всякого сомнения: пьянство вовсе не биологическое, а социальное явление,— заметил академик Углов.— Только стоит ли пытаться понять, а значит, и в какой-то степени оправдать пьющих, которые, если по большому счету, то стоят, а порой и лежат в одном ряду с наркоманами? Человек, привыкший отравлять мозг алкоголем, вливающий в кровь, как образно напи-

сал об этом Лев Толстой в пьесе «Первый винокур», кровь лисицы, волка и свиньи, выскивает всяческие лазейки, чтоб оправдать свою порочную склонность. Пью, дескать, для настроения, для сугреву, с устатку, с радости, с горя, а чаще всего — по случаю...

— Человек, в отличие от животных, в состоянии мысленно перемещаться во времени и пространстве. И только извращенное сознание прибегает для этого к алкоголю,— вздохнул писатель.— Я, как и вы, Федор Григорьевич, считаю: пьянство — прежде всего социальное зло. По прежней профессии своей я штурман дальнего плавания. Мне приходилось по несколько месяцев плавать в океане без захода в какие-либо порты. Известно, что в море у нас действует «сухой закон». И экипаж прекрасно обходился без спиртного...

— А вот вам и научно-популярная иллюстрация,— сказал Углов.— Известно, что быстрее всего алкоголь подчиняет себе человеческий мозг, для которого природа создала пограничный кордон, не пропускающий туда вредные вещества. Алкоголь же взрывает оболочки мозговых клеток, пропуская вовнутрь ядовитые продукты своего распада. Первая же рюмка увеличивает выброс в синаптическую щель, разделяющую наши нейроны, норадреналина, который служит посредником в обмене информацией между нервными клетками. И тогда наступает возбуждение... Затем содержание норадреналина истощается — человек впадает в психическую и физическую депрессию. Новый удар алкоголем по мозгу — новое возбуждение. И снова спад... Но в конце концов мозг устает. Он уже не в состоянии бесконечно синтезировать норадреналин, наступает необратимое изменение в психике, начинается деградация личности.

— Преданный пьянству человек обнаруживает более шаткие воззрения на честь, обычаи и приличие, равнодушно относится к нравственным столкновениям, к разорению своей семьи, и презрению со стороны сограж-

дан, он становится жестоким эгоистом и циником,— продолжил профессор Искаков.— Алкоголизм, справедливо утверждал Джек Лондон,— порождение варварства, он мертвой хваткой держит человечество со времен седой и дикой старины, собирает с него чудовищную дань, пожирая молодость, подрывая силы, подавляя энергию, губя лучший цвет рода людского...

— Недавно в одном из городов, где я находился в творческой командировке, мне рассказали жуткую историю,— начал Олег Петрович Павлухин.— Муж убил свою жену на глазах семерых детей. Причину можно было бы назвать банальной, если бы она не привела к тому, что семеро ребятишек мал мала меньше, от двух до девяти лет, осиротели... А начиналось так: сначала пили, потом выясняли отношения в пьяной ссоре и вот — убийство...

Надо ли говорить снова и снова о вреде алкоголя? Надо! И говорить, и писать, создавать фильмы, телевизионные передачи. Жестокий, безо всяких прикрас и лакировки рассказ о том, как в прошлом нормальный работник и семьянин допился до белой горячки, заставит многих выпивох задуматься о собственной судьбе.

Только нельзя призывать к трезвому образу жизни, ежели ты сам употребляешь эту отраву. Когда в конце прошлого века в России развернулась кампания за трезвость, кампания, начатая русской интеллигенцией, Лев Николаевич Толстой написал тринадцать (!) статей против пьянства. Правда, он и сам первым подал пример умеренности и подлинно человеческого образа жизни, ибо понятие «алкоголь» и «человек разумный» несовместимы.

Водка изобретена отнюдь не русскими людьми. Она пришла на Русь из Западной Европы, когда алхимиками Средневековья был открыт процесс возгонки алкоголя. И произошло это в конце XVI века, при Иване Грозном. Именно тогда водка появляется в России и стано-

вится предметом казенного обложения. И уже при царе Алексее Михайловиче злоупотребление ею становится таким чрезмерным, что в 1652 году, по совещанию с патриархами, митрополитом, боярами и всеми думными людьми были выработаны особые, ограничивающие правила.

Некая глобальная неправда в зловредном утверждении, будто пьянство — наша отличительная национальная черта.

— Абсолютно с вами согласен, Олег Петрович! — горячо поддержал писателя Борис Иванович Искаков. — Русские люди встречали гостей чаем и пирогами! Вот наша традиция, от которой нас намеренно отлучили, отменив в 1925 году «сухой закон». И у нас не было ни бутлегеров, которых породила Америка, ни гангстерских шаек, организующих подпольную торговлю спиртным.

Сейчас в городах и селах самогонные аппараты добровольно сдают, а кто позастенчивее, выбрасывают их ночью на помойки.

Представляется необходимым ужесточить некоторые наши антиалкогольные законы. Некоторые протестуют против сокращения числа водочных магазинов. Но вот в Норвегии, например, на всю страну только 65 магазинов, которые торгуют спиртным. Да что там Норвегия! У нас в Подмоскowie, в Рузском районе закрыли 80 торговых точек из 98, торговавших зельем... И в то же время, как пишет «Правда», в отдаленный поселок на Северном Урале, где живет только 30 семей, завезли на зиму две тысячи ящиков вина и водки.

Поголовное пьянство не только разлагает наше общество изнутри, оно делает нас более уязвимыми для тех, кому ненавистен наш социалистический строй.

Федор Григорьевич упоминал пьесу Льва Толстого «Первый винокур». В ней старый черт говорит молодому, изобретателю самогона, научившему русских мужиков гнать его из хлеба:

«...Теперь только бы вино пили, а они у нас в руках всегда будут!»

Как метко подмечено! У пьяницы нет ни воли, ни характера, ни физических сил. Он и Родину, и собственную жену за стакан водки продаст, как делает это выпивоха из фильма «Любовь и голуби», авторы которого любят — увы — пьяницей, его талантливо, к сожалению, играет артист Юрский.

Или такой знаменательный факт. Наша пресса не раз и не два поднимала вопрос о росте пьянства в стране. Но пресловутые «голоса», обливающие нас грязью в эфире за все на свете, ни разу не покритиковали нас за пьянство. Почему? Да все потому же, почему Гитлеру хотелось спить нас после оккупации. Всем этим «голосам» и их подголоскам, выполняющим вредительский социальный заказ империалистов, чрезвычайно на руку то, что мы так крепко пили.

Нелишне в этой связи вспомнить утверждение немецкого военного теоретика Клаузевица:

«Россия не такая страна, которую можно завоевать, оккупировать... Такая страна может быть побеждена только лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров». Стратеги из Пентагона, службы ЦРУ, международного империализма и сионизма постоянно напоминают своей агентуре в нашей стране эти места из Клаузевица. Должны об этом знать и мы. Знать планы и методы наших врагов по подрыву социализма и коммунизма изнутри.

К сожалению, не все у нас это понимают, как и не все осмысливают факт ведения империализмом «психологической войны» против советского общества. Именно империализм США и его ударный отряд — международный сионизм — пытаются одурманить людей алкоголем и нравственными наркотиками, чтобы легче управлять ими, сделать рабами.

Постановление ЦК КПСС и предпринятые на местах

активные действия задела все стороны нашей действительности. Борьба с пьянством — это и борьба за качество продукции, повышение производительности труда, дисциплины, реформа в торговле, забывшей, что она существует для нас, покупателей, нравственное преобразование человеческих душ, физическое здоровье тружеников, и, что архиважно, подрастающего поколения, и того, которому еще предстоит появиться на свет. Как никогда встала проблема свободного времени, организации досуга, а здесь и деятельность спортивных комитетов, пораженных — увы — «звездной», олимпийской болезнью и забывших о значении слов «физическая культура народа». По-новому предстоит работать культурно-просветительным учреждениям, для которых «злодейка с наклейкой» была — чего греха таить — спасительной альтернативой, своего рода палочкой-выручалочкой.

Но далеко не все те, от кого напрямую зависит воплощение в жизнь постановления ЦК КПСС, осознали и прониклись идеей трезвости. Торговля не спешит повернуться к покупателю лицом, не разворачивает реализацию товаров, пользующихся спросом, по-прежнему составляет проблему возможности утолить летнюю жажду квасом, соком, минеральной водой. В одной только Российской Федерации две с половиной тысячи источников минеральной воды, а вы попробуйте спросить ее в магазинах Читы или Улан-Удэ, напиться соку в Орле или в Оренбурге, Перми, Барнауле или во всемирно известном курорте Сочи... Да что там говорить о «глубинке», хотя борьба в ней с пьянством имеет, может быть, более актуальное значение. Наша славная столица даже в дни Всемирного фестиваля не могла предложить москвичам ни прохладительных напитков, ни какой-либо выпечки: беляшей, пирожков, расстегаев, ватрушек. В день открытия фестиваля люди стояли в Лужниках по часу и более в очередях, чтобы получить бутерброд, привезенный в Москву аж из Финляндии...

— В один из фестивальных дней посетил кафе «Артистическое», — сказал Павлухин, — намеревался поужинать в седьмом часу вечера. Кафе оказалось пустым... Это в центре-то Москвы! Но все разъяснилось, когда официантка Л. Чижова, швырнув на стол меню, заявила: «Горячего нет, одни холодные закуски!» Так же «любезно» старшая смены Л. Ковылина объяснила мне, что все горячее съели в обед. Для справки: кафе закрывается за час до полуночи. В холодных же закусках числилась «икра паюсная» по 2 (два!) рубля порция... Ничего вразумительного не смог сказать и завпроизводством Б. Воронин...

А ведь опыт Севастополя, Ужгорода, Саратова, Минска показал, что трезвые кафе и рестораны дают большую выручку, нежели их собратья, продолжающие пребывать в «пьяном» обличье. Кафе «Искринка» в Севастополе, преобразованное из ресторана «Приморский», питейного заведения, приносит от полутора до двух тысяч ежедневной выручки, в полтора раза больше прежнего. Конечно, для этого надо потрудиться, напрячь фантазию, проявить сообразительность, инициативу, которые прежде заменялись грузовиком с водкой.

Надо переходить от благих пожеланий к жестким мерам, привлекать к строгой партийной ответственности тех коммунистов, которым поручено претворять в жизнь антиалкогольные меры, и начинать сие необходимо прежде всего с тех, кто отвечает за столичную торговлю и деятельность московских столовых, кафе и ресторанов. Ведь по трезвому лицу столицы будут судить о существовании новых решений партии ее многочисленные гости. Надо понять, что трезвость — это убеждение, качественно иное, если хотите, мышление. Не пей сам, не покупай в магазине, не угощай других — вот те киты, на которых может поставить свой новый дом каждый человек, понявший, что дальше такое продолжаться не может.

Все знают, что Юпитер был красив и статен, умен и

физически развит. А кому известно, что сын его Вулкан родился хромым, с неуравновешенной психикой... И все потому, древние римляне это подчеркивали, что зачат был Юпитером в пьяном состоянии, хотя этот главный бог и не числился по разряду алкоголиков.

В прошлом месяце в одном сибирском селе кормящая мать выпила на свадьбе пару рюмок самогона, а через полчаса поднесла к груди трехмесячного сына. Еще через четверть часа здоровый ребенок погиб в сильных судорогах от алкогольного отравления.

— Алкоголь — сильный яд, который разрушает живые клетки, но в большей степени он пагубно действует на мозг и репродуктивные органы, — сообщил академик. — Учеными установлено, что после четырех лет употребления алкоголя мозг человека сморщивается, нервные клетки погибают и заменяются рубцами. Необходимо отметить, что в первую очередь гибнут самые высшие структуры мозга, так называемые верхние этажи психики, обеспечивающие наличие у людей таких качеств, как стыд, правдивость, благородство, способность к творчеству. Достаточно дозы в шестьдесят граммов алкоголя, чтобы отключить центры высшей нервной деятельности на срок от 8 до 20 суток. О каком творчестве может идти речь у писателей, выпивающих 150 граммов водки хоть раз в неделю?!

— Даже если люди в сфере науки, искусства, управления пьют умеренно, — заметил профессор Искаков, — то, по данным ВОЗ, на 15—20 процентов дебилизируется их интеллект; их управленческие, научные, творческие и организационные решения «дебилизированы» тоже на 15—20 процентов. А при большом уровне алкогольной наркомании общественная дебилизация может возрасти до 30 процентов и выше.

— Вспомните, товарищи, что еще Энгельс указывал: причинами пьянства являются тяжелые условия жизни трудящихся при капитализме, — сказал Федор Гри-

горьевич.— А каковы в настоящее время причины пристрастия к пагубному зелью? Дело в том, что люди не знают правду об алкоголе — невежественность их просто поразительна. С давних пор пьянство и алкоголизм держатся на лжи. Главная ложь в том, будто бы русские люди всегда пили.

— Знаменательно, что борьба за утверждение закона трезвости началась снизу,— подчеркнул председатель.— Это ли не свидетельство нравственного здоровья нации?!

Уже созданы клубы трезвости, подобные нашему, в Горьком, на ЗИЛе, в Первоуральске, Нижнем Тагиле, других городах. Сформировано Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость. О работе первых ячеек людей с иным убеждением нужны книги, фильмы, пьесы...

Когда-то с появлением в русском обиходе чая возникла традиция устраивать чаепития за самоваром. Фраза: «Будут гости... Ставь, матушка, самовар» — стала в России крылатой, и самое время возродить этот безалкогольный способ общения людей за самоваром, распространить именно эту, истинно русскую традицию.

К сожалению, констатирую: выпить стакан вкусного, душистого чая в нашей столице — проблема из проблем. А ведь именно появление чая в XVII веке спасло Западную Европу, в которой даже монахи выпивали по четыре-пять литров вина в сутки, от безудержного пьянства. Ведь люди, как социальные существа, должны общаться друг с другом. Так пусть они общаются за чашкой чая!

— Чем, кроме чая, можно заменить алкоголь? — вслух помыслил Павлухин.— Не случайно в указанном постановлении ЦК КПСС говорится о развитии физической культуры в стране, об оказании помощи тем, кто увлечен техническим творчеством. Человечество за тысячелетия разумного существования выработало бессчет-

ное количество упражнений, которыми можно увлечься, занять и ум и тело. Просто надо понять, что «человек — это звучит гордо», что царю природы негоже уступать жидкому дьяволу, что трезвая жизнь неизмеримо содержательнее, богаче, а главное, создает условия для твоего личного бессмертия, которое гарантируется каждому индивидууму в цепи бесчисленных поколений, цепи, начавшейся от тебя...

Да, трезвость — это убеждение. И пусть им проникнется каждый!

— Мне кажется,— сказал Федор Григорьевич,— что в свете постановления ЦК КПСС настала неотложная необходимость обсудить возможность принудительного прерывания или предохранения беременности у женщин, страдающих алкоголизмом. Характерно, что первыми эту крайнюю, но в конце концов справедливую меру предложили мои коллеги, представители самой гуманной профессии.

Вот типичный пример. Владимир и Надежда Х. начали семейную жизнь, когда им было по 17 лет. Уже тогда они злоупотребляли алкоголем. Родилось двое умственно неполноценных детей, от них родители сразу же отказались и передали на полное обеспечение государственным учреждениям. Недавно постоянно пьющий супруг в приступе белой горячки покончил с собой. Вдова тут же вышла замуж, продолжает пить и, пренебрегая настойчивыми советами врачей, ждет ребенка. Каким он появится на свет?

Резкое увеличение количества алкоголиков женщин весьма тревожащее обстоятельство. Если в предвоенные годы на фоне алкоголиков мужчин их почти не было заметно, то ныне картина иная. Сотрудники милиции Нижнего Тагила сообщили, что в 1970 году у них в психиатрической больнице было зарегистрировано 700 алкоголиков, из них 2 женщины. На 1 января 1980 года были выявлены и поставлены на учет 9800 алкоголиков, в том

числе свыше 800 женщин, 78 подростков. В 1923 году среди лиц в возрасте до 18 лет было 16,6 процента пьющих. В наше время согласно многочисленным исследованиям таких до 95 процентов.

— Вы, Федор Григорьевич, член Центрального совета добровольного Общества борьбы за трезвость,— обратился к гостю хозяин.— Расскажите о нем...

— Состоять в Обществе могут не просто те, кто для себя покончил с употреблением алкоголя безо всяких компромиссов, но и активно борется с пьянством и алкоголизмом,— сказал академик.— Общество создается по территориально-производственному принципу — на предприятиях, в колхозах и совхозах, партийных и советских органах, в государственных учреждениях, НИИ и учебных заведениях. Создаются первичные ячейки Общества и при домоуправлениях, в кварталах и микрорайонах — для пенсионеров и других лиц, которые по тем или иным причинам не могут состоять в ВДОБТ по месту работы.

В обязательном порядке введен единый нагрудный знак члена Общества для того, чтобы единомышленники сразу распознавали друг друга.

Антиалкогольная пропаганда Общества должна быть резко непримиримой, действенной, носить наступательный характер. Помимо лекционной работы организуются особые концерты, вечера, туристские походы, физкультурная работа, документальные и художественные фильмы под эгидой Общества, индивидуальная работа с пьющими по месту работы и по месту жительства.

Как особая форма борьбы за трезвость — пикетирование винных отделов магазинов.

Война с самогонщиками! Участие в рейдах народных дружин и милиции. Впрочем, все народные дружинники должны быть членами ВДОБТ, то есть абсолютными трезвенниками, иначе они не имеют морального права быть дружинниками вообще.

Каждый член ВДОБТ обязан вовлекать в ряды Общества новых членов путем личного примера и индивидуальной работы с соседом, товарищем по работе, учебе.

Обществу борьбы за трезвость предоставлено право активного вмешательства при выпуске на экраны или на сцену драматургических произведений, где воспевается «культурное» распитие горячительных напитков, апологетизируется пьянка.

Обществу предоставляется право контроля за выполнением антиалкогольных законов торговлей и спирто-водочной промышленностью.

Мне думается, что при всей комплексности мер, предусмотренных постановлением ЦК КПСС, надо принять также дополнительные жесткие меры. Обществу борьбы за трезвость необходимо обратиться к правительству с этими предложениями.

За управление автомобилем в пьяном виде для владельцев частных машин — на первый случай — штраф 300 рублей и лишение прав на три года. Во втором случае — безоговорочная конфискация автомобиля. Такая мера предусмотрена законодательством ряда государств, и нам вовсе не грех перенять этот опыт.

Средства, полученные от продажи конфискованных у пьяниц автомашин, перечислять в фонд Общества для развертывания его антиалкогольной деятельности, или отдавать в детские дома. Необходимо, как уже говорилось, сделать профилактической мерой и принудительное прерывание или предупреждение беременности у женщин, официально признанных алкоголичками, равно как и за прещение браков между алкоголиками обоего пола...

Деятельность Общества борьбы за трезвость становится сейчас реальностью, обретает зримые черты. Пока еще туманные представления о целях и характере его работы превращаются в ясный, четкий и высоконравственный план борьбы за бескомпромиссное искоренение из

жизни этого несовместимого с коммунистической идеологией порока, о котором француз Монтень говорил, что «среди других прегрешений пьянство представляется мне особенно грубым и низменным».

— Трудно переоценить значение Общества,— заметил Павлухин.— Поистине необозримо поле деятельности его членов, о конкретных мероприятиях мы еще будем говорить в рабочем порядке. И не только говорить, но и действовать, активно действовать во имя нового, трезвого человека. Но главное в том, что возникновение нашего Общества кладет начало созданию нового морального климата в колхозах и совхозах, на заводах и фабриках, в учреждениях и, конечно же, в наших творческих союзах.

Сейчас пьянство, как было отмечено на XXVII съезде партии, мы немного потеснили. И вот стоило на чуть-чуть подвинуться в сторону закона трезвости, как меньше стало пьяных на улицах, они незаметны уже в электричках, в общественных местах. Но пьющие замаскировались... Пьяницы ушли в квартиры, в те места, где им предоставлена пока возможность приносить жертвы жидкому дьяволу.

Зафиксированы первые положительные изменения. Меньше производят, меньше пьют, сократились преступления, прогулы, случаи производственного и бытового травматизма. Статистика, которая знает все, сказала свое слово. Лигачев, выступая в Воронеже, сообщил, что за истекший год количество смертей от сердечно-сосудистых заболеваний уменьшилось на сто тысяч.

— Но мы еще в самом начале трудного, но благородного пути, хотя свет уже замаячил в конце мрачного алкогольного туннеля,— заметил академик Углов.

— Обратите внимание, что эти сто тысяч спасенных жизней, о которых говорил Егор Кузьмич Лигачев,— прямой результат сокращения потребления сивухи,— сказал Павлухин.— И мне особенно понравились слова о

том, что «работа еще предстоит колоссальная. Ведь мы боремся не просто против пьянства. Партия развернула борьбу за трезвый образ жизни, а эта задача гораздо более высокого уровня».

— Теперь в руках активистов-трезвенников четкая и недвусмысленная установка на повсеместное утверждение в стране закона трезвости! — воскликнул профессор Искаков. — И у вас, литераторов, издателей, развязаны теперь руки...

— Их у нас и прежде никто не связывал, — проворчал Павлухин. — Но пока наш вклад невелик, хотя кое-какие сдвиги есть...

Заслуживает, например, всяческого одобрения инициатива «Роман-газеты», ее главного редактора Валерия Ганичева, опубликовавшего замечательную повесть Владимира Крупина «Живая вода», где писатель опровергает лживую легенду, будто пьянство есть русская традиция. Хорошо бы «Роман-газете» продолжить этот почин, переиздать умную и такую нужную книгу академика Углова «Из плена иллюзий», выпущенную издательством «Молодая гвардия». Вашу книгу, Федор Григорьевич... Ее второе издание.

Много говорили и говорят об очередях в московских винных магазинах. В городские и центральные организации стали поступать жалобы от тех лиц, которым стало трудно потрафлять жидкому дьяволу, и это они сочли нестерпимым для себя, чуть ли не нарушением прав человека.

Но почему мы должны идти на поводу у пьяниц? Почему мы должны стесняться того, что не хотим больше отравлять свои сердца алкоголем? Почему мы обязаны увещевать, уговаривать, нянчиться, наконец, с выпивохами в ущерб нормальным, трезвым людям, презирающим змеиное зелье... Нет, наша пропаганда трезвого образа жизни должна быть наступательной, носить боевой и бескомпромиссный характер.

А главное, разоблачать лживую легенду о том, что «веселие на Руси есть пити», будто пьянство чуть ли не этнографическая особенность русского и других славянских народов. Это вовсе не так!

Ярчайшее свидетельство — двухтомное собрание «Пословиц русского народа» В. Даля. В нем около 800 страниц, занятых пословицами из быта наших пращуров. И только две-три странички, где приводятся пословицы, так или иначе связанные с выпивкой. Да и сама сивуха, как всем известно, происхождением своим вовсе не связана с нашим отечеством.

Сделаем еще один экскурс в прошлое. Известно, что русские люди деловые разговоры вели в чайной. Половой подавал баранки, калачи, наколотый сахар в блюдечке, заварные чайники. В центре стола стоял кипящий самовар. Так русские люди удовлетворяли «клубный синдром», необходимость общения между собой. А до последнего времени этот синдром удовлетворялся бутылкой, которую распивали «на троих».

Почему бы нам не возродить чайные?

На Дальнем Востоке, в Приморье, например, возрождается старинный обычай собираться «на орешки». А вспомним традиционные посиделки, которые молодежь устраивала в деревнях, — ведь никакого алкоголя там не было...

— Самое страшное, на мой взгляд, — сказал академик Углов, — когда кто-то пытается убедить, будто бы умеренные дозы потребления алкоголя безвредны, сухие вина полезны, а культурное винопитие — решение всей проблемы. Но что такое умеренная доза? Любая доза является ядовитой, ибо алкоголь — наркотик. Утверждают: сухие вина полезны. Я считаю, что врачей за такие утверждения следует лишать диплома. Как понимать «культурное» винопитие? А так — что в подъезде «на троих» — нехорошо, а за роскошным столом, в уютной обстановке — можно.

Антиалкогольную проблему в настоящее время можно сравнить с лакмусовой бумажкой, определяющей, кто есть кто. По всей стране разворачивается сейчас патристическое движение: «Сухой закон» для себя». А это значит — ни дома, ни в гостях сам не пью и других не угощаю... Переориентация общественного сознания, широкая пропаганда знаний об алкоголе, его пагубных, трагических последствиях, воспитание подрастающего поколения в духе абсолютной трезвости — вот что сегодня важно. Движение народа вперед, к гармоничному, трезвому образу жизни неизбежно. И я уверен, процесс этот необратимый.

— Кстати, о пьяных очередях, товарищи, — вклинился в гневный монолог Федора Григорьевича профессор Искаков. — Да, они оскверняют облик нашей славной Москвы. Таких очередей не было даже за хлебом во время войны. Но пробовал ли кто работать с этими очередями, вести прямо там антиалкогольную пропаганду? Почему бы нашему мобильному и оперативному телевидению не бросить туда репортеров и не взять у тех, кто часами ждет свою порцию яда, короткие интервью? Кто, откуда, почему стоит здесь в рабочее время, нельзя ли было обойтись без бутылки, встретить друга чаем, пить на день рождения соки, на свадьбе фруктовые коктейли... А потом показать эти сцены на всесоюзном экране. Такая передача была бы не менее популярной, чем Клуб путешественников или Кинопанорама, а «герои» ее впредь думали бы, прежде чем занять свою очередь в хвосте этой алкогольной процессии.

Мне пишут из Владивостока, что городские власти вкупе с краевой газетой «Красное знамя» регулярно проводят рейды в «пьяных» очередях, выявляют там завсегдатаев, тех, кто стоит за водкой в рабочее время. И мера эта весьма эффективная.

С удовольствием обнаружил для себя, как твердо и последовательно борется за трезвость газета «Водный транспорт», не в пример, прямо скажем, тем же нашим писательским изданиям — «Литературной России» и «Литературной газете». Вот что пишет в статье «Трезвость — наше оружие» профессор Искаков:

«Предложено классифицировать уровень алкоголепотребления в литрах этанола на человека в год. Трезвенники употребляют его до одного литра. Они набирают это количество с обычными продуктами питания, которые или сами содержат алкоголь в небольших дозах — квас, кефир, кумыс, — либо способствуют образованию его в организме — хлебодрожжевые изделия. Умеренно пьющие набирают этанола от одного до пяти литров, люди с пока еще неосознанной психологической зависимостью от алкоголя — от 5 до 23, так называемые бытовые пьяницы — от 23 до 46 и, наконец, те, кого можно отнести к алкоголикам, — свыше 46. Что же касается выражения «злоупотреблять алкоголем», то тут существуют понятия предельно допустимой концентрации алкоголя в продуктах и предельно допустимая доза алкоголя на человека в год. Содержание алкоголя в продуктах не должно превышать 1,5 процента, а общегодовое потребление его человеком — одного литра...

На этих границах, по существу, настаивали в 20-х годах В. И. Ленин, сказавший известное «пролетариат не нуждается в опьянении», а также академики Н. А. Семашко, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, а сейчас — ученые Ф. Г. Углов, В. Г. Жданов, С. И. Жданов, Н. Г. Загоруйко, И. А. Красноносков и другие сторонники трезвости — все те, кто утверждал и утверждает, что нормальный здоровый человек не нуждается в потреблении этанола. Кстати, существует точка зрения, отраженная в законодательстве ряда стран, что предельно допустимая

концентрация алкоголя в продуктах не должна превышать 0,7 процента...»

А наш застоявшийся в магазине кефир имеет крепость до трех-четырех градусов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Во Владивосток он летел со смешанным чувством.

В прошлом году Павлухин дважды побывал в бухте Золотой Рог. Четыре дня в июле, целый месяц жил осенью, устроился в Доме отдыха на станции Океанская, писал роман... Во второй раз времени было у Павлухина больше, он и присмотрелся к тому, как продолжали безудержно пить приморцы, несмотря на целый ряд партийных директив и сообщений о наказаниях, которые роздал уже Комитет партийного контроля при ЦК КПСС пермякам, челябинцам, новгородцам... За месяц в приморской печати не появилось ни одного материала против пьянства. К созданию краевого Общества борьбы за трезвость местные руководители отнеслись формально. Ни один из известных уже в городе энтузиастов борьбы за утверждение закона трезвости в Общество не попал, их скопом зачислили в «экстремисты».

А водка лилась рекой... Ею торговали всюду, во всех курортных поселках — Седанке, в Сад-Городе, на Океанской.

Обидно было Павлухину за город своей молодости, который по всем объективным данным мог бы стать жемчужиной Тихого океана и по всем параметрам потягаться с Сан-Франциско. А пока он «славился» повышенной относительно других городов России нормой потребления сивухи на душу населения.

Вернулся Олег Петрович в Москву и сказал в Центральном совете Всесоюзного общества борьбы за трезвость:

— Надо помнить слова Ленина: «Владивосток — да-

леко... Но город этот нашеньский». Надо принимать срочные меры. Вот мои наблюдения в письменном виде, свидетельства местных жителей... Все мы в ответе за трезвый быт в этом далеком, но таком российском городе.

Кое-какие меры были приняты. По крайней мере, приморские газеты принялись проводить рейды, публиковать материалы корреспондентов о неприглядном состоянии антиалкогольной работы и в самом Владивостоке, и в районах края. Друзья Павлухина исправно пересылали ему газетные вырезки...

Сейчас он летел туда в третий раз, Павлухин не был уверен, что теперь борьба с жидким дьяволом развернулась во Владивостоке не на жизнь, а на смерть... Он знал, что поддерживаемые определенными кругами взгляды, будто без питья в этом особенном районе не обойтись, разделяют и те, от кого зависит быть городу хмельным и запойным или не быть. Ссылки писателя на Севастополь, где основательно прищемили хвост жидкому дьяволу, не помогали. «Они в Крыму живут, им легче...» Почему легче — не объясняли. Легче — и все.

И Павлухин знал, что если столкнется с фактами попустительства пьянству, он снова призовет дорогих его сердцу приморцев к трезвому порядку. Значит, опять вызовет недовольство местного начальства, снова они будут обвинять писателя в пристрастии, хотя и за сам Владивосток он взялся потому, что так любит этот город...

... До самой посадки Павлухин перечитывал книгу Станислава Шевердина, посвященную борьбе с жидким дьяволом. Ему особенно прились по душе слова автора о том, что ни в коей мере нельзя огульно охаивать опыт введения «сухих законов». При этом Станислав Николаевич — крупный специалист по истории вопроса — умело и к месту привел слова Карла Маркса о том, что «события поразительно аналогичные, но проис-

ходящие в различной исторической обстановке», приводят «к совершенно разным результатам».

«Видимо, надо отказаться от употребления термина «сухой закон», — подумал Олег Петрович. — Слишком много вокруг него эмоциональных разногласий. Взять на вооружение слова «закон трезвости»! Суть та же, а вот той самой кажущейся и задевающей самолюбие упрямцев категоричности нету. Закон трезвости! Хорошо звучит...»

... Олег Петрович собирался выйти в район промысла на одном из судов главка «Дальморепродукты», побывать на добывающих кораблях, на плавбазах, пообщаться с рыбаками, прикинуть, насколько изменился их нелегкий быт, воедино спаенный с морской службой. На выходе был роман Павлухина о капитане траулера, и бывшему штурману хотелось увидеть, близка ли современности его новая книга...

— Все наши суда сейчас на промысле, — сказал писателю начальник главка. — Советую отправиться в море на почтаре... Вот уже лет десять совершает челночные рейсы небольшой транспортный рефрижератор «Селенит». Или «Лунатик», как его рыбаки называют... Доставляет к судам экспедиции продукты и почту: письма, бандероли, посылки... Капитан там давнишний, дело знает. Не пожалеете...

На судно Павлухин собирался отправиться с утра с главным капитаном «Дальморепродуктов».

А вечером пришел к нему в гостиницу «Приморье» однокашник Кузьма Щекин, капитан рефрижераторного судна «Уссурийский залив», принес подборку материалов из рыбацкой газеты.

— Иду в море на «Селените», — похвастался Олег Павлухин. — Завтра еду знакомиться с судном...

— Вот только тебя еще на этом «спиртовозе» не хватало, — пробурчал Кузьма. — Еще утопят по пьянке нашего летописца.

— Как по пьянке? — удивился Павлухин. — Я-то думал, что теперь с этим у вас покончено.

— Так в море, как тебе известно, и прежде не пили... А вот этот «спиртовоз» с капитаном Караевым во главе таскает к нам на промысел сивуху. Я сам, бывало, отгонял его от борта, остальные капитаны «караул!» кричат, когда появляется этот «Лунатик». После каждой его швартовки — на плавбазе «ЧП». В августе прошлого года капитан-директор плавзавода «Михаил Тухачевский» Могилка не дал «Селениту» выгрузить продукты и отогнал от борта на ночь. Так куда спокойней... А с утра выставил на время перегрузки «антиалкогольную стражу» по всему борту. И что ты думаешь? Все равно напились все те, кто был в контакте со «спиртовозами». И это произошло сразу после того, как экипаж «Селенита» раздраконили в газетной статье «Что у вас, ребята, на борту?». Да и что я тебе рассказываю? Сам прочтешь...

И капитан Щекин передал писателю корреспонденцию А. Фокина «Нелепый случай?». Начиналась она сообщением о том, как напился на вахте старший механик А. Е. Замотаев. И обнаружили сие главный капитан «Дальморепродуктов» И. М. Каменев и заместитель начальника механико-судовой службы Б. Ф. Шпаков. Они пришли на транспортный рефрижератор с проверкой.

А до того рейдовая бригада водной милиции выявила на борту «Селенита», готового отбыть на промысел, массу посылок со спиртным. Нашли груз сивухи и в каюте старпома В. Дробовича. Об этом написала рыбацкая газета, но реакции в главке не было никакой, хотя редакция не один раз напоминала: «Сообщите, какие меры приняты...»

— А ведь командиры «Селенита» вовсе не такие агнцы, как изображают их наши начальники, — сказал Кузьма Щекин. — В 1983 году было тут у нас прогремевшее на весь город дело с крупным хищением неучтен-

ной красной икры на плавбазе «Павел Чеботнягин». Так эти «лунатики-спиртовозы» сыграли в этой истории серьезную роль: именно они ящиками вывозили с моря ворованный деликатес... И хоть бы хны! Отделались легким испугом...

— А мне говорили, что именно в «Дальморепродуктах» экипажи судов первыми выступили инициаторами трезвой жизни,— растерянно проговорил Павлухин.— Я и на промысел-то собирался, чтоб написать об этом очерк...

— Наверно, так оно и есть, Олежек,— сказал Кузьма.— У меня, к примеру, почти весь экипаж вступил в Общество борьбы за трезвость. А первым написал заявление я, капитан... Но вот такие «спиртовозы», как «Селенит», вносят элемент искушения, срывают наши усилия, создают условия для чрезвычайных происшествий на флоте.

— А меня заверили в министерствах, что в рыбном и торговом флоте «завязали» накрепко,— вздохнул бывший штурман Павлухин.— Даже представительские, которые капитанам не отменили, рекомендовано тратить в иностранных портах на угощение русскими деликатесами, а бутылки с зельем хозяин судна портовым властям больше не выставляет.

— Ну, может быть, у тех, кто ходит постоянно в заграницу, порядок и навели,— отозвался Кузьма Щекин,— а у нас, тихоокеанцев, как ты уже убедился, пиратствуют «спиртовозы».

— Неужели управы на них нет? — возмутился Павлухин.

Капитан «Уссурийского залива» пожал плечами.

— Наши местные товарищи чуть что ссылаются на «особые» условия Владивостока,— сказал он.— А почему в нашем городе труднее навести образцовый порядок — ума не приложу...

Они помолчали.

— Давай с тобою чаю попьем,— предложил Олег Павлухин, поднимаясь.— Сейчас попрошу заварить покрепче...

Когда он вернулся, капитан Щекин спросил:

— Ты вот по стране едешь, с народом встречаешься... Есть примеры отрицательного отношения к пьянству? Такие, чтобы нам, поморцам, указать: берите, дескать, пример с этих товарищей.

— Конечно же, есть,— ответил писатель.— Не так много, как хотелось бы, и причина медленного перехода общества на рельсы абсолютной трезвости вовсе не в том, что народ этого не хочет. Люди как раз хотят нормальной, естественной жизни. Вся беда в другом... Разучились без сивухи общаться, отмечать события в личной и общественной жизни. Торговля и общепит до сих пор саботируют утверждение закона трезвости, ждут перемен в «пьяную» сторону, хотя в Резолюции XXVII съезда черным по белому написано: «Послаблений в борьбе за трезвость быть не должно!» И главное: люди, от которых зависит развертывание нравственной революции, все еще находятся в плену компромиссных уверток, утверждая, что если они «позволят» себе стакан-другой шампанского в Новый год, то вовсе не пьяницы, а «культурно» употребляющие...

— Может быть, я не прав,— задумчиво проговорил Кузьма,— только в таком святом деле кощунственно даже говорить о возможности употребления любых доз алкоголя.

— Ты абсолютно прав, старый мой корабельный товарищ! — воскликнул Павлухин.— И там, где это понимают, сдвиги значительные...

Он вспомнил, как газета «Советская Россия» предложила ему поехать в Мордовию, где Рузаевский горком партии проводил эксперимент: как решить судьбу бывших питейных заведений.

Рузаевка в республике — город известный, пролетар-

ского происхождения, с добрыми традициями, которые сложились еще во времена первой русской революции.

Вот и взялись внуки тех, кто дрался на баррикадах восемьдесят лет назад, за нравственное преобразование жителей города.

Горком партии поручил секретарю Е. Тиуну лично возглавить эту работу. А тот двинул в бой трех богатырей: общепит, комсомол и культуру. Начать решили с микрорайона «Рузхиммаш». Была здесь гнусная, ставшая притчей во языцех, пивная, ее и решили сделать трезвым кафе, клубом для окрестных жителей.

Городские власти сумели заинтересовать своей идеей художников, архитекторов, привлекли к реставрации помещения добрых специалистов-строителей. Внес лепту и завод «Рузхиммаш», энтузиастов помочь благородному делу нашлось предостаточно, все дело было в том, чтобы их зажечь инициативой.

И возникло чудо... На месте ханыжного вертепа возник гостеприимный дом с самоварами, современным интерьером, яркими витражами, гобеленами, с широким ассортиментом мордовских изделий.

Сюда пошла молодежь, та, что толпилась в подъездах, распевая песни про «портвейна бадью» и опорожня бутылки с реальной «бормотой». Сюда пришли и пенсионеры, коротать время в кафе, вспоминая «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Этот дом посещают семьями, отмечают торжественные дни.

— А план? — спросил Щекин.

— Остался прежний, как был, когда работали со спиртным... Но его, представь себе, успешно перевыполняют. Правда, приходится, что называется, крутиться, выдумывать, постоянно напрягать фантазию, быть изобретательными... Короче — работать с душой... С душой, Кузьма!

— А вот этому наши работнички сферы обслуживания как раз и не обучены, — проворчал Щекин.

— Учить надо! А тех, кто не хочет работать для людей, немедленно убирать с такого важного для нашего дела поприща... И если смогли развернуть работу по-новому в Мордовии, почему нельзя сделать то же самое у вас во Владивостоке, в Перми, которую уже называл за хмельное море разливанное Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, в Виннице, Хабаровске, Свердловске, Петрозаводске, Рязани, да и в нашей Москве-матушке?

— А молодежь-то как приобщается к новой жизни? — спросил капитан Щекин.

— На нее вся наша надежда,— вздохнул Павлухин.— Молодежь скорее, чем мы, умудренные жизнью, откликнулась на призыв партии изгнать из нашей жизни жидкого дьявола. Свердловские студенты-медики всем институтом объявили для себя «сухой закон», создана крепкая организация Общества борьбы за трезвость и в Уральском университете. А в Красноярске студенты-политехники во главе с Юрием Козловым создали клуб борьбы за трезвость, оборудовали безалкогольный бар, в котором никогда не бывает свободных мест... И это на уровне самостоятельности, в то время как находящееся на попечении взрослых «дядей» и «тетей» кафе «Рифей» вообще закрылось, остальные влачат жалкое существование. Но стоп! Я опять сбил на критику, а ты просил рассказать о добрых начинаниях. Увы, их пока меньше, нежели того, что нуждается в осуждении.

— Но все равно мы скрутим голову жидкому дьяволу,— сказал капитан «Уссурийского залива». — И чем скорее, тем лучше. Промедление смерти подобно... Да, вспомнил... Тут я тебе передовую из «Красного знамени» припас, в номере за 3 июня 1986 года, «За трезвый образ жизни» называется. Прочти вот это место...

И Павлухин прочитал:

«В Чугуевском, Спасском и Дальнереченском районах, городе Находке уровень реализации винно-водочных

изделий превышает среднекраевой. Крайрыболовпотребсоюз и Торгмортранс в апреле текущего года продали их на 40 процентов больше, чем в прошлом году».

— Каково?— спросил капитан.— И еще тебе фрагмент к творческому отчету. Захожу сегодня в профком Дальневосточного пароходства, а мне говорят: «Подпиши, Кузьма Авдеевич, вот эту бумажку». Гляжу — а это на ксероксе отпечатанное заявление с просьбой принять в Общество борьбы за трезвость, только для фамилии место оставлено. «Гони, говорят, два рубля — и будь здоров... Покажи всем пример, товарищ капитан». Да я давно уже сие Общество на судне организовал! «Разве? — удивляются.— А мы и не знали... Ну все равно подпиши, у нас по пароходству отчетность плохая. Двух рублей-то не пожалеешь...»

— И подписал? — улыбнулся Павлухин.

— Подписал,— махнул рукой Щекин.— Иначе подумают: жмот капитан «Уссурийского залива».

...Утром Павлухин не поехал в рыбный порт, где стоял «Селенит», а отправился в партком «Дальморепродуктов». Едва он начал говорить о том, что сообщил ему капитан Щекин и написал корреспондент А. Фокин, там привычно, не удивившись, спросили:

— Опять водку рыбакам возят? Есть у нас такое дело... Бывает... А стармеха Замотаева понизили только по приказу, а в должности, фактически, оставили прежней. Специалист он хороший.

— Но ведь этот «специалист», напившийся на вахте,— что может быть кощунственнее?! А еще и член партии!

— Ну и что? Зато у нас он на хорошем счету...

Идти в море на «спиртовозе» штурману Павлухину расхотелось. Вечером, не зажигая света, он сидел в номере гостиницы «Приморье», смотрел сквозь окно на заставленный кораблями Золотой Рог и думал:

«Что делать? Вот напишу снова о пьянстве в этом

славном городе, теперь о приключениях «спиртовоза», и опять стану «персоной нон грата» для тех, кто по долгу службы и велению партийной совести должен был, не дожидаясь моего приезда, давно уже создать нетерпимую обстановку для поклонников зеленого змия... Как же мне поступить? Промолчать, не портить отношений со здешним начальством? По принципу: пригодится воды напиться... Но ведь я тоже сын Владивостока! И если смолчу, то кто же тогда...»

**Из выступления в передаче
«Писатель у микрофона»**

...По заданию Центрального совета Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость я побывал в Эстонии. В республике отношение к пиву однозначное: это алкогольный и опасный для здоровья людей напиток. В Таллине закрыты все пивные у предприятий и в общественных местах. Пиво в магазине отпускается только с 14 часов, и тем, кому исполнился 21 год. Производство этого более коварного, нежели водка, напитка, неуклонно сокращается.

Особенно хочу предупредить всех по поводу безалкогольного пива и безалкогольного вина. В этих напитках отсутствует этиловый спирт. Но в алкогольном питье ядом является не только он. И в пиве, и в вине множество вредных веществ: это и другие спирты, и сивушные масла, и канцерогены, вызывающие раковые заболевания. Все это сохраняется в безалкогольном вине, которое намерены производить из винной барды, и в безалкогольном пиве, которое так же, как и алкогольное, будет способствовать развитию смертельной болезни — циррозу печени.

Видимо, Министерству здравоохранения СССР необходимо взять под строгий государственный контроль все

эти суррогаты, которые, пользуясь конъюнктурой, хотят предложить народу его безответственные отравители.

Да и производство соков, которые — и слава богу! — пользуются сейчас такой популярностью у населения, далеко от совершенства. А ведь соков будут производить все больше... Технология выработки соков сложная, и тут нужен строжайший досмотр за их качеством.

...И давайте, товарищ, вспомним редакционную статью 12-го номера журнала «Коммунист» за 1985 год, которая так и называется «Архиважное дело»!

Вот что написано на странице 54-й:

«...Партия предъявляет повышенное требование к коммунистам за неукоснительное соблюдение мер по преодолению пьянства и алкоголизма.

Пьянствующий коммунист, пьянствующий руководитель — это социальный лицемер.

Пьянствующий коммунист, пьянствующий руководитель — это социальная патология».

Журнал «Коммунист» призывает освобождать таких руководителей от должности, а коммунистов-лицемеров исключать из партии.

Лучше, по-моему, не скажешь... Крепко надо задуматься тем руководителям, которые носят на груди партийные билеты, над словами В. И. Ленина, они были произнесены в мае 1921 года на X Всероссийской конференции РКП(б). Руководитель нашей партии и первого, хочу выделить, трезвого рабоче-крестьянского государства подчеркнул: «...в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому, что как бы они не были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму...»

Яснее и категоричнее сказать невозможно! И нельзя называть себя коммунистом тому, кто поступает вразрез с антиалкогольной линией партии!

Инициатива, идущая, как принято говорить, снизу,

радует и обнадеживает. Она свидетельствует о великом нравственном здоровье нашего славного народа. Сейчас как никогда повышается роль местных Советов, их участие в антиалкогольном движении трудно переоценить. Уже нередки случаи, когда сельские сходы, исполкомы поселковых Советов принимают решения о запрещении, полном и бескомпромиссном, торговли спиртными напитками, и в первую очередь пивом на их территории. Такие островки трезвости растут и расширяются. Именно так будет проходить внедрение закона трезвости в нашей стране, с одной стороны, государство будет неуклонно осушать прилавки, вводить все новые и новые ограничительные меры, а с другой, мы сами будем отказываться от какого бы то ни было алкоголя в нашей жизни. Итак, «запрет плюс отказ» — вот формула процесса полного и окончательного отрезвления нации, вот составляющие успешного спасения ее от многолетней алкоголизации!

В этой связи полезно еще раз обратиться к опыту предков, вернуться к событиям, отстоящим от нас за сто тридцать с лишком лет. В пореформенное время, в 1858—1859 годах, русский мужик, которого и поныне русофобствующие враги Советского Союза изображают исконным пьяницей, вдруг бросил пить... Вот вам и ссылки на князя Владимира, вот и давнишние утверждения, будто пьянство суть национальная особенность русского народа. Выдающийся критик Николай Добролюбов посвятил удивительному явлению особую статью, где утверждал, что «столь общее и внезапное движение не могло быть следствием одного красноречия, а должно было иметь причины в самой жизни...»

Как и сейчас, в тогдашней России целые села давали зарок абсолютной трезвости. А тем, кто нарушал постановление мирского схода, грозило установленное самими односельчанами наказание — двадцать пять ударов по мягкому месту в присутствии земляков. Конечно, это

мера того времени, но задуматься над этим нашим «культурно» употребляющим стоит и сейчас...

Не ратую за физические наказания, только нетерпимость к пьющим, нет, не к пьяницам, с ними все ясно, а именно к умеренно пьющим, должна быть всеобщей и непримиримой!

Не только к тем, кто идет, держась за стены, или сквернословит — это уже уголовные преступники, а даже к тем, кто сивушным смрадом оскверняет воздух для окружающих.

Ведь смогли же стихийно бороться с пьянством русские крестьяне и мастера! Столяры, портные, сапожники, ремесленники устанавливали для себя и товарищей систему штрафов. Два раза штрафовали, на третий — лишали звания рабочего человека, изгоняли из цехового братства... За единую чарку!

Полицейские чиновники бросились в сельскую округу, требовали у крестьян отказаться от объявленного ими закона трезвости, наказывали непьющих, а сами виноторговцы снижали цены на водку,ставляли бесплатное угощение с закусью — бесполезно. Русский мужик не поддавался никаким уговорам, хотя дело доходило до мордобоя, к которому привычные урядники стали прибегать. Сотни тысяч мужиков, еще недавно причисляемых к категории «неисправимых пьяниц», в тридцати двух губерниях России отказались полностью и бесповоротно от хмельного зелья! А когда их довели до белого каления насильственным приобщением к сивухе, в мае 1859 года поднялись на массовый разгром водочных лавок, ненавистных русскому духу.

Фантастика! — скажет недоверчивый. Нет, дорогие друзья, это все подлинные факты. Было такое в русской истории! 112 тысяч крестьян привлекли к судебной ответственности за участие в волнениях, которые известны как «водочные бунты».

В беседе с Кларой Цеткин Владимир Ильич Ленин

категорически подчеркивал: «Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое бы оглушало его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанностью, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения... в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз ясность».

Какие еще директивы нужны сомневающимся, если мы, коммунисты, вооружены этими ленинскими словами?! А в мае 1985 года Центральный Комитет КПСС наметил конкретные меры борьбы с теми, кто за годы попустительства пристрастился к спиртному. И каждый из нас должен включиться в борьбу за утверждение в жизни нашего общества закона трезвости.

Часто меня спрашивают: вот ты член московского городского совета Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость. Что это за организация такая, кто может вступить в нее... Иногда говорят: в принципе я человек трезвый, ну бывает, с приехавшим другом употреблю рюмаху, или на юбилее у хорошего человека. Могу ли я быть в ваших рядах?

Со всей категоричностью отвечу: нет, нет и еще раз нет! Членом Общества борьбы за трезвость может быть не только убежденный трезвенник, но тот, кто борется за повсеместное внедрение закона трезвости. Это вовсе не означает, что деятельность его должна быть обязательно масштабной. Вступил в общество — начни пропаганду трезвости среди тех, кто рядом. В семье, с соседом по лестничной площадке, по станку, бригаде, среди родственников и бывших собутыльников.

Отлучить себя от алкоголя вовсе не такая уж трудная задача.

Опираясь на собственный опыт, утверждаю: каждый умеренно пьющий может безо всякого, так сказать, вреда для своей психики и физического здоровья раз и на-

всегда, бесповоротно и сразу покончить с пагубной и отвратительной привычкой, недостойной высокого звания Человека.

И обойтись при этом без каких-либо вмешательств извне!

Пусть задумаются над этим все, кто меня сейчас слышит...

Вы даже представить себе не можете, как свободно чувствует себя тот, кто простым усилием воли навсегда освобождается от цепей жидкого дьявола...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Едва Олег Павлухин вошел в кабинет Владимира Евгеньевича Одинцова, в душе у него будто потеплело: на лацкане пиджака первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС, рядом с депутатским значком голубел кружок со словами «Общество борьбы за трезвость».

— Давно ли создана в вашем обкоме первичная ячейка Общества борьбы за трезвость?

— Уже определили во мне единомышленника? — улыбнулся В. Е. Одинцов и бережно прикоснулся к значку. — А что? Лучшей наглядной агитации и не придумаешь... Вступили же мы, работники обкома партии, в Общество первыми, едва прошла учредительная конференция в республике. Кстати, с докладом на ней выступил секретарь обкома товарищ Кониев. Юрий Ибрагимович ведает у нас вопросами идеологии, а борьба за трезвость ой какая идеологическая работа прежде всего...

— И политическая, и экономическая, и правовая проблема...

— Верно, Олег Петрович. Сейчас нет ни одной стороны жизни нашего общества, которую не затронуло бы употребление алкоголя, — это поистине стратегическое бедствие. Низкая производительность труда и неполно-

ценные дети, преступность и отвратительная работа торговли, травматизм и повышенная смертность, распад семей, качество продукции, безобразный сервис, точнее, никакого сервиса... А главное, растущая, глобальная безнравственность. И вот прежде чем призвать других покончить с этим социальным пороком, мы первыми объявили для себя закон трезвости — вступили в Общество борьбы за трезвость.

Потом Олег Павлухин узнал у председателя обкомовской первичной организации ВДОБТ Булата Кулова, он заведует здесь лекторской группой, что в ячейке 145 человек, в нее входят все коммунисты обкома и многие беспартийные работники из технического персонала.

— Практически у нас в республике нет партийных, советских, комсомольских и профсоюзных работников, которые не являлись бы членами Общества борьбы за трезвость,— сказал первый секретарь обкома.— А как же иначе? Другого пути для нас просто нет... Я так думаю: если ты был совсем-совсем «умеренно» пьющим, то должен стать бескомпромиссным трезвенником хотя бы из чувства патриотизма. Ведь в наш дом пришла страшная беда. Социалистическое Отечество в опасности! О какой «умеренности» или «культурности» питья можно фарисейски толковать, если осужденная XXVII съездом партии политика всеобщего попустительства затопила страну сивухой?!

— Но у вас в Северной Осетии налицо ощутимые результаты, Владимир Евгеньевич. На 610 тысяч населения имеется 65 тысяч членов Общества борьбы за трезвость, а это четверть всего занятого населения. В таких областях, как Свердловская, Пермская, Иркутская, и в ряде других регионов успехи куда скромнее. Вот у вас ячейки созданы во всех школах, три четверти учителей отказались от любого по количеству и, так сказать, качеству алкоголя...

Учитель и не должен, не имеет права на какое-либо потребление.

— Абсолютно согласен с вами... Впрочем, об этом прямо и недвусмысленно сказано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 года. Мол, лица, занятые воспитанием детей и молодежи и потребляющие при этом, увольняются решением судебных органов с лишением права занимать такие должности впредь. Чего уж яснее! Да и кощунственно учить детей трезвому образу жизни и глотать ядовитое зелье украдкой. Мы считаем, Олег Петрович, что существует ряд профессий, представители которых просто обязаны быть членами Общества борьбы за трезвость. Это прежде всего педагоги любых рангов, мастера производственного обучения в ПТУ, преподаватели техникумов и вузов, все без исключения медицинские работники, те, кто служит в милиции и правоохранительных органах. И конечно, водители всех видов транспорта. Между прочим, не считаете ли вы естественным законодательно предоставить работникам ГАИ возможность выдавать водительские права владельцам личных автомашин только при условии их членства во Всесоюзном обществе борьбы за трезвость?

— Прекрасная и в высшей степени здравая мысль, Владимир Евгеньевич! Хочешь водить машину — навсегда отрекись от жидкого дьявола.

— Кстати, пора уже изменить акцент всенародного антиалкогольного движения, надо переходить от борьбы с пьянством к борьбе за трезвость. Ведь это принципиально разные вещи. Но борьба с пьянством, которую мы не ослабим ни на йоту, а будем постоянно ужесточать, несет в себе компромиссную лазейку для любителей «умеренного» питья, «культурного» застолья, а ведь это то же самое пьянство, только подпольное, рядящееся в ханжеские одежды. Для подобных рабов жидкого дьявола лозунг «Борьба с пьянством» уже не работает.

А вот борьба за всеобщую трезвость, именно она единственно приемлемая этическая категория в эпоху развитого социализма, абсолютно бескомпромиссна. Этот призыв мы и должны написать на наших знаменах... Первичных организаций Общества борьбы за трезвость создано у нас немало. Можно привести ряд цифр, которые в общем-то создадут оптимистический настрой. Но заглянув «за цифры», увидим и нечто другое. Чувствуется заминка, я бы сказал, топтание на месте, вместо уверенных шагов вперед. Здесь, безусловно, нужен особый опыт, нужна оригинальная методология. Партийные и советские организации и стремятся здесь взять на себя роль лидера. Например, совершенствовать антиалкогольную работу, учиться этому самим, обретать опыт, быстрее передавать его другим. Роль первичных ячеек Общества борьбы за трезвость в том, чтобы они стали, и как можно скорее, подлинными центрами такой работы, обрели уверенность, соответствующую профессиональную подготовку... В работе республиканского Общества борьбы за трезвость идет пока развертывание на марше. И областной комитет партии не может не волновать медлительность этой работы.

— Не могли бы вы коротко охарактеризовать антиалкогольную обстановку в республике?

— Сдвиги, безусловно, есть. Больше порядка стало в городах и селах республики. Сократилось число нарушений. Например, в промышленности потери рабочего времени из-за пьянства резко упали, возросла производительность труда, улучшились другие производственные показатели, укрепилась дисциплина и организованность, оздоровился нравственный климат на производстве и в быту.

С июня 1985 года реализация винно-водочных изделий сократилась более чем на половину, соответственно закрыты ряд точек по их продаже. Сократилось число дорожно-транспортных происшествий. В коллективах

выпивохам становится все неуютнее. Но успокаиваться рано.

— Мне доводилось слышать рассуждения о том, что борьба за трезвость — процесс весьма и весьма длительный... Годы и годы, дескать, нужны, чтобы сломать устоявшийся стереотип. Иные готовы развернуть борьбу с жидким дьяволом чуть ли не до двухтысячного года...

— Нам с такими товарищами не по пути! — резко сказал, будто отрубил, Одинцов. — Не впадая в маниловщину, можно твердо сказать, что нравственное здоровье нации позволяет надеяться на самые короткие сроки ликвидации пагубного порока. Возьмите, скажем, очереди за зельем, которые я наблюдал в столице и в ряде других городов и которых нет в Северной Осетии, хотя мы и ограничили отпуск спиртного в одни руки двумя бутылками.

Да, очередей за водкой Павлухин не видел ни в Орджоникидзе, ни в Моздоке, ни в других местах. За полчаса до закрытия он объехал все те немногие магазины, где торгуют вином, и очередей не обнаружил.

— Вас, небось огорчают, Олег Петрович, эти «хвосты», в которых люди стоят за собственной бедой? — спросил, улыбаясь, Одинцов. — Стыдно, поди, за соотечественников?

— Еще как стыдно, Владимир Евгеньевич! Полагаю, что уважающий себя человек, хотя бы раньше он был не прочь приложиться к рюмке, ни за что не встанет в эту унижающую его достоинство «процессию»...

— А я, знаете ли, не очень огорчаюсь, ибо убежден: очереди явление временное. Они даже своеобразно помогают воочию убедиться в том, что беда к нам пришла в дом огромная. Очереди теребят нашу совесть, наглядно — куда уж нагляднее! — показывают, до какой степени нравственного падения довели мы народ алкогольным попустительством. Очереди — суровое напоми-

нение всем нам: не успокаивайтесь на первых успехах трезвеннического движения.

И вообще: отсутствие или наличие очередей за сивухой свидетельствует о нравственном здоровье или нездоровье жителей того или иного региона. Стоят у тебя за водкой люди в очереди — задумайся, партийный руководитель: неладно что-то в твоём идеологическом хозяйстве.

Олегу Павлухину вспомнились встречи с партийным руководством Моздока, города его детства. И Владимир Стоянов, и Людмила Белоус рассказывали о той упорной борьбе, которую неустанно ведет общественность этого крупнейшего в республике района со всенародным злом.

— Как это ни парадоксально, — с грустью констатировал первый секретарь РК КПСС В. Стоянов, — бывает, что сталкиваешься со случаями молчаливого сопротивления трезвым тенденциям в среде некоторой части советских работников, в частности тех, кто ведает торговлей...

Сам Стоянов первым в районе вступил в Общество борьбы за трезвость, которое возглавляет сейчас бывший редактор газеты «Ленинский путь» Л. Л. Пальцев, человек до фанатичности преданный идее трезвости.

— Вот тут вы попали в точку, — заметил Одинцов, когда Павлухин рассказывал ему о Моздоке. — Именно фанатичность, и не нужно бояться этого слова, должна отличать настоящего борца за трезвость, только такие люди сумеют эмоционально передать другим свое искреннее отвращение к спиртному. Другой подход попросту исключен. Сейчас наше Общество борьбы за трезвость — самая нравственная организация в стране. И негоже коммунистам отставать от лучших активистов-трезвенников хотя бы на четверть шага в их благородном и бескомпромиссном порыве...

У нас с успехом используются сценарии торжествен-

ной регистрации новорожденных, вручения паспорта, выпускных вечеров в школах. Интересны обряды проводов юношей в Советскую Армию, посвящения в рабочие, хлебобобы, чествования героев труда. Что же касается самой антиалкогольной пропаганды, то она, по моему глубокому убеждению, должна быть исключительно острой, зубастой, если хотите...

— Шоковой...

— Вот-вот! Благостными увещеваниями типа «Пить — здоровью вредить» поклонников жидкого дьявола не проймешь. Клин надо вышибать не клином, а стальным клинком, напрочь разрубающим прежние психологические установки. И начинать едва ли не с младенческого возраста. Ведь это же страшно, когда малыши в детском садике играют в застолье...

— Подражают папам и мамам.

— Вот именно. Поэтому уже в первом классе необходимо приобщать ребятшек к антиалкогольной пропаганде. И заниматься этим должен в первую очередь школьный коллектив Общества борьбы за трезвость, а входить в него должны все педагоги без исключения. С детских лет прививать ученикам стойкое неприятие к алкоголю — вот задача школьного учителя. И здесь без шокового воздействия на неокрепшую еще психику попросту не обойтись.

— Взрастить у детей иммунитет трезвости, посеять в их душах аллергию к любой разновидности спиртного.

— В этом деле хороши все средства, борьба с зеленым змием может быть успешной только при условии ее бескомпромиссности. Заигрывание с рюмкой безнравственно. Именно из числа «умеренно» пьющих выходят, увы, сильно пьющие. Какая разница: идти к пропасти мелкими шажками или прыжками — результат один: нравственное и физическое падение. Конечно, бороться с «тихими», тайными пьяницами труднее. Я вижу выход здесь в том, чтобы в осуждении пагубной страсти

не было оговорок: он выпил немного и потому необходимо смягчить ему наказание. Эта психология, к сожалению, живуча, и пока ею пользуются, вред от того будет немалый. Создание безалкогольной среды, трезвой атмосферы — это не только изъятие спиртного, но и формирование общественного мнения, когда любому, мало или много выпивающему, было бы крайне неудобно от одного осознания, что он таки влил в себя дозу спиртного, я бы сказал — одиноко...

— Мне уже довелось писать, Владимир Евгеньевич, о труднопереоценимой роли творческой интеллигенции в борьбе за утверждение трезвого образа жизни. К сожалению, во многих регионах писатели и артисты, художники и режиссеры вообще не участвуют в этом движении. У вас же в Северной Осетии такие ячейки есть во всех театрах и творческих коллективах, в ансамбле «Алан» и на студии телевизионных фильмов «Голубой экран»...

— А как же иначе? — удивился Одинцов. — Знаменитый вопрос «С кем вы, мастера культуры?» сейчас прозвучал с новой этической силой. Ведь всем известно: лекарств от пьянства не существует. Тяга к алкоголю — попросту извращенное мировоззрение. А чем, если не словом, искусством исправлять человеческое сознание?

Поэтому членство наших североосетинских поэтов и художников, режиссеров и артистов в Обществе борьбы за трезвость считаю само собой разумеющимся явлением. А вот у наших соседей, в Южной Осетии, Общество это возглавляет известный поэт Нафи Григорьевич Джусойты. Вполне закономерный факт.

— Побывал я в Осетинском театре, где директорствует мой давний друг, прекрасный поэт Камал Ходов, — поделился Павлухин информацией с первым секретарем обкома. — Камал рассказал мне, что он перевел на осетинский язык и ставит сейчас в театре знаменитую

пьесу-притчу Льва Толстого «Первый винокур». Камал Ходов учел особенности осетинского быта и свою версию происхождения самогонного зелья назвал «Как появилась арака».

— Прекрасная идея! — воскликнул Одинцов. — Вот вам и пример истинного отношения литератора к проблеме... Я хорошо знаю эту толстовскую пьесу.

— Моздокский народный театр поставил антиалкогольную пьесу А. Дударева «Порог», я был на премьере, Владимир Евгеньевич... Прекрасная работа молодого талантливого режиссера Хамзата Юнусова. Успешно работают в районе и четыре агитбригады, в репертуаре которых острые сцены, направленные на борьбу с жидким дьяволом.

— Опыт моздокчан мы всячески поддерживаем и распространяем. Недавно слушали тамошний райком на заседании бюро областного комитета партии, именно по антиалкогольной теме. Спрашивали строго — в назидание остальным районам...

— Какими путями должна идти пропаганда закона трезвости? Когда, по вашему мнению, можно прогнозировать полное утверждение трезвого образа жизни?

— Внедрение новых, «сухих» обрядов, — сказал Владимир Евгеньевич, — дело тонкое... Но хорошо ведь известно, что еще в недалеком прошлом на свадьбу ходили как на праздник, увидеть и поздравить родных, близких, наконец, приятно провести время в кругу родственников, друзей и знакомых. Дисциплина, подтянутость и собранность, почтительная сдержанность молодежи, песни, танцы, музыка, массовое веселье, праздничная торжественность — все это положительные стороны традиционной осетинской свадьбы. Особо следует подчеркнуть, что в прошлом осетины отличались сдержанностью за столом. Это качество в разное время отмечали многие исследователи истории и быта осетин. «Осетины вообще народ трезвый, они не чувствуют потребности в

крепких напитках», — писал В. Пфаф более ста лет назад. «Обжорство считается большим пороком, малейший намек на страдание голодом — высшим бесстыдством. Словом, осетины воздержаны и выносливы», — отмечал другой исследователь Ф. Красильников в первые годы Советской власти. Эти высказывания, да и весь образ жизни осетин, убеждают в том, что в прошлом на свадьбе не было места пьянству, тем более обжорству, это было позорно.

Что касается молодежи, то она вообще не употребляла спиртные напитки. В своей работе, посвященной свадьбе, в 1870 году Дж. Шанаев писал: «В промежуток между танцами веселящуюся молодежь угощают шашлыком, пирогами и другими печениями». Как видите, здесь нет даже намека на употребление спиртного...

— Мне доводилось сталкиваться с тем, что после выхода постановления ЦК КПСС торговые работники во многих регионах страны налегали на продажу пива. Ваше мнение относительно «пивного зла»?

— В нашей республике за последнее время производство и реализация винно-водочных изделий сократились, а вот пива стали производить больше. Мнение, что пиво — это не вино и не водка и его употребление не носит безнравственного и вредного характера, к сожалению, широко бытует. Однако пиво — это алкогольный напиток, опасность его в том, что постоянное употребление — прямая дорога к пагубным пристрастиям, к более сильным хмельным зельям.

— Мне довелось за минувший год побывать во многих районах страны... Обстановка в них по части борьбы за трезвость далеко не однозначна. Если в Эстонии, Белоруссии, Приморском крае партийные комитеты резко активизировали антиалкогольную деятельность, развернув, как альтернативу, сеть трезвых кафе и повсеместную торговлю полезными вещами, то в Свердловской, Оренбургской, Донецкой, Винницкой областях, в

ряде районов Литвы, Калининграде, Чите, Барнауле и в нашей столице — увы — дела обстоят далеко не лучшим образом. Поэтому мне было приятно узнать, что в Северной Осетии проводилась большая работа...

— Определенная работа,— поправил Павлухина первый секретарь обкома.— Ради бога, Олег Петрович, не переоценивайте сделанного нами. Мы лишь в самом начале пути. И недостатков в нашей антиалкогольной практике хоть отбавляй... Например, в столице республики все рестораны, закусочные, кафе сосредоточены в центре города. Это непорядок. По сумме бытовых услуг мы только на седьмом месте в Российской Федерации, а хотелось бы находиться на первом.

Вот заметно уменьшилось число лиц, попавших в медвытрезвитель. Но мы-то знаем, как на предприятиях и случаи пьянок скрывают, и увольняют выпивох «по собственному желанию», только не портили бы иллюзию благополучия!

Прокурорский надзор за состоянием борьбы с пьянством и алкоголизмом ведется неудовлетворительно, с самогонщиками мы далеко еще не покончили...

В республике нет ни одного наркологического пункта на промышленных предприятиях. Наш Совмин принимает решения одно за другим, только они остаются на бумаге. Профессиональный уровень врачей-наркологов недопустимо низкий, более половины из них не проходили никакой специализации... Видите, как много еще надо сделать...

— Дорогу осилит идущий, Владимир Евгеньевич,— сказал Павлухин.

Из дневника писателя

Замечаю: постепенно меняется отношение к жидкому дьяволу у творческих работников.

На заседании круглого стола, который проводил Московский городской совет ВДОБТ совместно с редак-

цией «Московской правды», довелось услышать прекрасную песню композитора Владимира Мигули, в которой говорилось о печальной судьбе жертвы проклятого зелья.

В театре на Юго-Западе идет интересная пьеса Льва Корсунского «Самозванец», она остро поднимает вопросы борьбы за трезвость.

... Мои наблюдения за коллегами свидетельствуют о некоей психологической трудности, которую нелегко отдельным товарищам преодолеть. У нас немало трезвенников. Но все они разобщены, стесняются открыто говорить о своем убеждении, а следовательно, и выступать перед читателями в защиту трезвого образа жизни. Срабатывает психологический рефлекс, который в житейском обиходе именуется правилом «Не высывайся!» или синдромом «белой вороны»...

Белинский говорил, что талантливый человек отличается от бездарного гражданственной озабоченностью. Пить или не пить вовсе не личное дело каждого! Тем более мастера культуры... Я не говорю уже о том, что для коммуниста трезвость должна быть нормой жизни и его самого, и его близких.

Но лед уже тронулся! С радостью узнал, что недавно секретариат Московской писательской организации совместно с парткомом приняли решение о создании в наших рядах Общества борьбы за трезвость... Уже идет активная работа по сплочению наших трезвенников. А среди столичных писателей они есть. Это и новый наш секретарь парткома, писатель Леонид Мезинов, который вошел в оргкомитет, и Владимир Крупин, автор повести «Живая вода», прозаик Анатолий Онегов, известный страстными выступлениями в защиту природы и памятников русской культуры, поэтесса Тамара Пономарева, писатель Владимир Черкасов, поэт Николай Старшинов, критик и литературовед Петр Палиевский, писатель Сергей Есин.

Активная деятельность наших трезвенников вызвала открытое недовольство отдельных лиц, переходящее в злобные выпады, было и такое...

В статье «За торжество трезвости» академик Углов пишет: «Настоящий патриот — это человек, который интересы народа ставит выше собственных. Мы уверены, что наши люди сделают все для спасения Отечества. Тем же, кто не пожелает для спасения народа поступиться дурными наклонностями, мы ответим словами Карла Маркса: «Если хочешь быть скотом, конечно, можешь повернуться спиной к мукам человечества и забиться о собственной шкуре».

Борьбу за искоренение пьянства и алкоголизма, которую мы начали с мая 1985 года, смело можно отождествить с нравственной революцией. Поэтому вновь и вновь встает вопрос: по какую сторону баррикад стоите вы, мастера культуры?

...9 января 1987 года для меня и моих друзей, как хотите, — знаменательный день. Вечером мы собрались в парткоме на организационное собрание членов Общества борьбы за трезвость. Членов Союза писателей в столице около 2 тысяч. Но тут собрались настоящие единомышленники — и это утраивает, удесятворяет наши силы.

...По пятницам проводим «Чаепития в ЦДЛ». Директор нашего Дома выделил для него Пестрый зал, расписанный автографами и дружескими шаржами. К нашим чайным застольям внимательно присматриваются инакомыслящие...

...Сегодня, 2 июня 1987 года, опубликовано постановление ЦК КПСС «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по преодолению пьянства и алкоголизма и активизации этой работы». Обратил особое внимание на требование придать движению «новый импульс», системность и действенность, поднять на качественно иной уровень». Теперь и сомневающимся ясно: обратного хода нет.

**В первом полугодии 1987 года
в библиотеке «Писатель и время»
вышли книги:**

**Л. Жуховицкий. Докажите ценность любви
А. Иващенко. Железные всходы
В. Лойша. Логика риска
Г. Резниченко. Бригадир
В. Светиков. Последняя граната
А. Старцев. Полгода в море
В. Христофоров. Посох удачи
Ю. Щекочихин. На качелях**

**Над книгами библиотеки «Писатель и время» работают
писатели В. Амлинский, Л. Беляева, В. Белов, Ю. Бон-
дарев, Т. Гайдар, Ю. Галкин, Д. Гранин, Г. Лисичкин,
Д. Лихачев, Б. Можаяев, Ю. Нагибин, А. Проханов,
В. Распутин, А. Стреляный, И. Уханов, Н. Федоренко,
Р. Хакимов.**